



Владимир Валерьевич Шамо́в

СКОПЦЫ

Огненное крещение

Кострома

2025





ББК 20.1(2Р34)

УДК248.2(471.3)17)

Ш 194

Фанатичный культ и всепоглощающая любовь. Грех, ритуальные самоубийства, жестокость властей, страсть, страдание – всё, на что способна русская душа.

Раскольники, вольнодумцы, сектанты, разбойники, мечтатели, влюблённые – кто же мы такие?

Найдут ли герои счастье, пройдя через искушение, жестокий обряд, религиозный фанатизм, отшельничество, опасность? В чём смысл жизни – найти свою любовь, или бороться до конца за идею?

Скопцы. Огненное крещение.

e-mail для писем и отзывов
zemplja@yandex.ru

© В. Шамов

© Издательство «Шестая колонна»



Часть I

Тёплый мир твоего сердца

Это историю мне рассказали в Чухломе, когда я увидел в интерьере одного старого дома почти истлевшую картинку. На ней были изображены девушка и юноша в виде ангелов. Казалось, сама любовь смотрела на меня с пожелтевшего бумажного листа.

1

В помещении прачечной всегда сумрачно и много пара, окна открыты в любое время года, в непроглядном вонючем тумане слышен женский кашель, проступают силуэты прачек. Одежда на них мокрая - почти прозрачная, груди вываливаются. Снуют бородатые водоносы. На озере - портомойня из брёвен. Туда таскают постиранное бельё мальчишки-подростки. Среди них отрок Егорушка – сын одинокой красотки Акулины, к которой ходит приказчик. Он помогает Акулине деньгами и учит её сына грамоте – хороший мужик. На портомойне плоты и голые женские ноги, на которые невозможно налюбоваться. Дальше Егорушка тащит белье в сушильню, там оно парусится на верёвках, а умелые женщины с трясущимися грудями орудуют рубелями и скалками, есть и чугунные утюги. Оттуда парня снова гонят в пар постирочной, и так по кругу.

Самая красивая среди прачек - мать Егорушки Акулина. Порой ему снится про неё такое, что и на исповеди не расскажешь - стыдно. В конце концов пятнадцатилетний парень совсем замучился греховными мыслями. «Отступитесь, бесы», - всё время шептал он, и даже выучил молитвы, но ничего не помогало. И вот, наконец, это у него случилось - с замужней бабой у портомойни. Она затащила красивого паренька в кусты около озера, стянула ему



порты, но не успела запихать в себя, как тот сразу оконфузился, забрызгав смеющуюся любовницу семенем. Остальные свидания были гораздо удачнее. Замужняя мещанка по имени Лизовета и её подруга, бесстыжая Глафира Зыкова, эксплуатировали Егорку в свое удовольствие. Любовники втроём раздевались догола в дырявом сарае и придавались бесстыдному греху. Однажды ночью Егорушка подкрался к спящей маме, но не решился лечь с ней. Сердце стучало в ушах, во рту пересохло от вожделения. Сгорая от желания, он вышел в сени и удовлетворил себя сам. Дальше так продолжаться не могло.

В это самое время он и встретил сбежавшего из Сибири праведника Громова. Это случилось тёплым вечером в начале осени на берегу Чухломского озера. Старец в длинных одеждах из сурового полотна, опираясь на посох, величественно восседал на прибрежном валуне и смотрел в свинцовые небеса. Егорка не встречал таких глубоких и мудрых глаз даже у священников и невольно залюбовался странником.

- Здравствуй, юноша. Вижу, живёшь ты небогато.

- Где уж богато, отца нет, мать прачка.

- Когда ты нищий, остается надеяться лишь на царство божие. Иначе нет справедливости в этом мире. Для чего мы рождены? Страдать? Чтобы каждый барин нами помыкал? Чтобы потом и кровью добывать хлеб свой? Что же это за планида такая? Какой в ней смысл?

- А что такое царство божие? – заинтересовался парнишка.

- А ты садись рядом, я тебе и расскажу. Царство-то господа нашего Иисуса Христа - воистину спасение для праведников. Текут там молочные реки с кисельными берегами, а на деревьях растут пряники печатные, а вместо камней сыр, а в иной реке нектар. Амброзия с небес прямо в руки падает, словно снег, а коли ты её отведал, будешь вечно жить. И не придётся трудиться в поте лица, а только славить царя небесного, ибо настрадались в этой жизни



голуби белые. А будет их сто сорок четыре тысячи рядом с агнцем в царстве том. Но не просто попасть туда.

- Я тоже хочу в царство божие, – прошептал парнишка.

- Сказано в книге голубиной, которую писал сам Исус Христос, а читал сам Исай-пророк. Ровно три года читал, а прочитал из книги всего три листа.

Егорушка засмеялся

- Что же там сказано, отче?

- Сотворил бог небо со землею, сотворил бог Адама со Евою, наделил питанием во светлом раю и положил заповедь: не ись сладкий плод с одного только дерева виноградного. А через триста тридцать три года прельстила их змея подколотная, принесла во рту ягод с дерева. И ели их Адам с Евою, и узнали, что такое грех. А грех - это блуд великий. И прогнал их бог из рая навсегда.

Тут Егорушка заплакал.

- Что, отрок, искушает тебя змея подколотная?

- Искушает, отче.

- А хочешь в царство божие, хочешь испытать любовь господа нашего, бесконечную любовь его?

- Конечно, хочу! – вскрикнул Егорушка, чья жизнь в одно мгновение наполнилась смыслом и надеждой.

- Надо тебе убелиться, огненное крещение принять, а иначе не дадут тебе бесы в царство божие проходу. Затаскают они тебя, замучают.

- Что мне нужно делать, отче?

- Потом узнаешь. А пока ответь мне: не знаешь ли, где найти голубицу белую по имени Татьяна Дмитриева?

- Так я знаю, отче!

Парнишка сразу понял, о ком идёт речь. Конечно, это дворовая Татьяна, что работает по хозяйству у дворян Катениных и слывет самой набожной и скромной девкой, хотя в церковь и не ходит. Её часто приводила в пример мещанка Лизовета, с которой у Егорки



был блуд. После развратных утех, сдувая прядь волос с лица, одевая юбки и понёву, разгорячённая баба часто говорила: мол, попадём мы тут все в геенну огненную, Татьяна только в рай и отправится.

Проведя старца через торговую площадь, мимо уездных присутственных мест, он легко отыскал деревянный дом с колоннами на Галичской улице. Молодой барин Михаил Иванович Катенин как раз отъезжал от дома на дрожках — видимо, по делам.

Татьяна выносила ночной горшок Елизаветы Николаевны. Увидев старца, она оставила горшок посередь двора и подбежала к праведнику. Егорушка увидел небесной красоты лицо и сияющий взор. Всё в ней было ладно, только не было у девки выступающих грудей, а было плоско, словно у мужика какого. Жирный гусь, испугавшись внезапного движения, ринулся в сторону и опрокинул ночной горшок. «А ведь я к вам с делом-де важным: засылом пришел», - отстранил голубицу Громов.

Татьяна повела дорогого гостя в людскую. Егорушка, как замороженный, пошёл следом.

2

А Михаил Иванович в тот день встречал дорогого гостя — народника Пшеницына, который пожаловал в Чухлому рейсовым дилижансом. Вот вдали показалась большая пыльная карета, и Катенин привстал на дрожках. А вот и старый друг — мещанин Ефим Андреевич Пшеницын, человек идейный и просвещённый. Он убеждал Михаила Ивановича открыть в уездном городе Чухлома библиотеку. Гость, одетый по-простому, вылез последним и широко заулыбался, увидев предводителя дворянства. Потом снова углубился в дилижанс и вытащил дорожный мешок.

- Я вот хотел разных наливок привезть, да ты, друг, знаешь, более двадцати фунтов поклажи не дают взять. Поэтому только



рябиновый спотыкач и ещё один по семейному рецепту. И то, знаешь, в правилах же сказано, что жидкости провозить нельзя. Говорят, до Костромы железную дорогу потянут, так оно легче добираться будет.

- Сегодня же непременно откушаем, любезный друг. Ну, прыгай на дрожки-то.

- Ах, кабы влезть...

Вечером накрыли праздничный стол, главным блюдом которого был жареный гусь. Были поданы балык, пастрома из куриной грудки, различные копчёности, рыжики, грузди, мочёная брусника и, конечно же, караси из местного озера.

- У нас удмурты бунтуют. Их секут шпицрутенами да батогами. В Осиновской волости Нолинского уезда жертвы-с имеются, – рассказал гость, закусывая гусем.

- А что такое, любезный друг, неужели за веру? – удивился хозяин, опрокинув лафитник прекрасной настойки. Елизавета Николаевна отпивала по глотку.

- Да власти картофель заставляют высаживать, а они боятся, что их помещику отдадут.

- Что же, государственные крестьяне?

- Государственные. А ведь они на земле предков живут. Все народы империи Российской - на земле предков живут-с. И всё, что делает империя с порабощёнными племенами, не лезет ни в одну христианскую доктрину. А ведь любая империя обречена – то доказано исторически. Чтобы спасти Россию, её нужно непременно разбить на штаты – и чтобы каждый со своим законодательством, органами управления и своей судебной системой. И принцип построения такой федерации должен быть не только географическим, но и национальным. Никакой монархии, только республиканская форма правления. Царизм обречён, да-с.



В каждом же русском штате помимо отдельного законодательного собрания нужно сформировать комитет коренных народов, который должен иметь полномочия - наложить вето на любой закон штата и страны. Тогда только коренные народы будут защищены от произвола.

Образовательная программа российской гимназии должна содержать информацию о всех нелицеприятных сторонах завоевания чужих земель российской империей, в том числе об убийствах алеутов, ительменов, саха, луороветланов, они же чукчи, и прочих народов колонизованных земель. Россиюшка наша – тюрьма народов, как сказал маркиз Астольф де Кюстин, да-с, - резко высказался прогрессивный гость.

- Что же, покаяться в грехах? – вставила реплику хозяйюшка Елизавета Николаевна.

- Уже пора что-то предпринять против русского национального эгоизма, – согласился Михаил Иванович

Народник Пшеницын всё больше раззадоривался:

- Обязательным в учебных программах российских гимназий сделать изучение языка коренных жителей русских штатов не только для них самих, но для всех, кто проживает на их территории, особенно для русских. Я вот на удмуртском и чувашском уже много слов знаю. Ещё коренные народы российских штатов должны получать выплаты от добычи природных богатств на их исторических территориях. В конечном счете это их руда и золото. А ещё Российская империя должна признать историческое право крымских татар на республику Крым. Да-с.

Тут гость вдруг словно что-то вспомнил и перевёл тему разговора:

- А знаете, я как-то в столице столкнулся с неким графом - Алексеем Сергеевичем Уваровым, так они-с втайне рассказали мне, что русские, дескать, вовсе не славяне, а некие чухонцы. Народ



мера. Он, как выяснилось, известный археолог. И как они стали копать русские курганы, так там вся утварь чухонская.

- Выходит, прав Францишек Духинский, не принадлежим мы к славянскому племени. Давно пора отказаться от всеславянских идей да признать славянскую колонизацию историческим мифом, - подытожил Михаил Иванович.

- Крепостничество скоро отменят. В Эстляндии и Курляндии отменили - и по всей России отменят, - заявил народник.

- У нас уже и опись была всех наших владений. А что, и пусть отменяют. Я бы и землю крестьянам продал с удовольствием. А что, любезный Михаил Иванович, на сектантов и вправду можно поглядеть?

- Непременно, дорогой друг, не зря же ты столько вёрст проехал. То в нашем Фомицино будет, завтра в полдень и отправимся. Завтра же пятнадцатое сентября, они в этот день всегда там. И кормчий ихний приехал, я сегодня его мельком видел.

- Страсть какая, - перекрестилась Елизавета Николаевна.

- А что это, любезные хозяева, так много жандармов на улице?

- Слух прошёл, с этапа убийцы сбежали. Видимо, ловят грешников.

- А как же дела у Вашего брата Николая, верно много книг собрал у себя в Кологриве?

- Так почитай несколько тыщ, любезный друг. Мы с Лизонькой стараемся не отставать. И спасибо тебе, что присылаешь всё новые томики, уж как мы благодарны, - ответил Михаил Иванович и углубился в караса... однако вкуснотища.

На другой день расселись по коляскам. Ефим Андреевич попросился к старцу, там же сбоку притулился и Егорка. Катенин и Татьяна ехали спереди на дрожках.



- Что же ты, Танюша, так поступила, разве противна тебе была любовь моя?

- Не противна, Михаил Иванович, в том и дело. Кабы противна была, я бы не убелилась.

- Не понимаю я тебя.

- Так если бы противно было, значит, страдание. Через страдание душа спасается. А коли приятно – то грех. А мне очень приятно было, мучилась я, Михаил Иванович, поэтому и пошла на это.

Обогнали две подводы с сектантами. Завидев гордо восседающего старца, путники сильно разволновались. «Кормчий, кормчий», - шептали они, привставая и вытягивая шеи. «Живите здорово!» - крикнул им старец. Народник Пшеницын держал в руках самосшитый кожаный блокнот и делал в нём заметки карандашом Koh-i-Noor. Заметки получались кривые, потому что экипаж трясло.

- Ты ямы-то объезжай, – крикнул он кучеру

- Так тут вся дорога одни ямы.

- А что же, уважаемый, вы и деток не рожаете? – спросил народник старца

- Рожать деток есть грех. Каждый знает, что любой, кто родился, рано или поздно помрёт. А ещё ежели неправедный, коих большинство, то и муки вечные наследует после смерти своей. Все это понимают: и те, кто деток заводит, обрекает на смерть чад своих. А поскольку он это осознаёт, то осознано совершает грех убийства. Рожая - убиваешь, соответственно, нарушаешь заповедь Божию. А когда в бедности рожаешь, то и на муки прижизненные обрекаешь. Мы ведь хуже рабов. Раб за еду и одежду работает, а нам, бывает, и одежды порой не хватает – в рубище ходим. Недаром в песне поётся: «Ах, зачем меня мать родила!»

- Так ведь сказано: плодитесь и размножайтесь

- Так то до грехопадения сказано было.



- До какого грехопадения?

- Сотворил Бог человека по образу своему, мужчину и женщину. И благословил их бог, и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю. И сказал Бог: вот, я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный - вам сие будет в пищу. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева виноградного не ешь, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. Но прельстила их змея подколотная, и поставил Господь на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять, путь к дереву жизни ему дал.

- Но разве то, что вы делаете, не членовредительство?

- Ежели у вас гангрена, доктор Вам не задумываясь ногу отымет, спасая жизнь. А иной грех хуже гангрены. Душа вечная гниет.

Всё это молодой народник тут же записал в блокнот.

«Приехали!» - послышался крик Катенина.

«А вот и корабль», - возвестил Громов.

Около большого гумна многие люди одевали на себя белые полотняные рубахи, стояли подводы. Завидев кормчего, они поспешили к нему за благословением. Когда все нацеловались, пошли в гумно с песней:

«Не пора ли нам воспеть
Да «Христос воскрес» пропеть!
Полно, голуби, терпеть,
Разорвём греховну сеть,
От темницы каменной
Вышел к нам сам бог живой,
Говорил детям своим:
«Вам пора в Ерусалим»,
Мои милые дружки,
Сотворите вы кружки,



Богу слава и держава
Во веки веков. Аминь».

Несколько десятков человек образовали круг на земляном полу большого гумна, празднично украшенного изнутри белыми полотенцами и сектантскими картинками местного художника-скопца Пети Доброго. На столбе висело распятие. В центре круга находился кормчий – старец Громов. Он начал истово читать молитвы. Взгляд его изменился. По мере чтения голос кормчего становился всё громче, каждое слово пробирало до костей. Татьяна и ещё несколько женщин судорожно затряслись. Катенин и Пшеницын жались в углу гумна, ёжились – от голоса старца пошли мурашками. «Это же гипноз», - проскулил Ефим Андреевич. Егорка был ближе к сектантам. Ему вдруг захотелось запрокинуть голову. Голова парня откинулась назад, и он весь затрясся. Исступление нарастало. Некоторые богородицы падали оземь и снова вскакивали на ноги. Голос старца был неумолим.

Корабль закачался - сектанты мычали, тряслись и раскачивались из стороны в сторону. Первыми сорвались с места Богородица Прасковья и Пятница Епистимия. Порвав на себе одежду, нагишом они пустились по кругу, пританцовывая и толкая рядом стоящих мужчин. Святой дух сошёл на людей, и весь корабль отправился за солнцем-Христом. Люди шли по кругу: кто-то кружился, кто-то сильно дышал, кто-то воздевал руки. Закачался Израильский дом, словно Ноев ковчег на волнах, и каждый верил, что спасётся, и каждый получал истинное наслаждение.

- Посмотрите, какие неестественные движения, что с их суставами?! – восхищался народник.

- Когда человек в трансе, его организм способен на многое! Это удивительно! – восклицал Катенин.

Пляска продолжалось довольно долго.

Вдруг, громко вскрикнув, Татьяна упала на колени в полном забытии и стала пророчествовать. Корабль остановился, кто-то упал



на колени, кто-то продолжал качаться с закатившимися зрачками. Тяжело дыша, люди замолчали.

- Двести лет люди будут убивать друг-другу за идеи, много людей принесут в жертву ради учений лжепророков, которым поверят. Два века лжи и поклонения тем, кто скажет: «Я знаю, как надо жить». Будут сулить райскую жизнь на земле. Они соблазнят людей, и многие через них погибнут. Лжепророки будут выдавать себя за богов. Потом придёт конец свету. Торопитесь встать на путь истинный, не принимайте учения лжепророков, не берите в руки оружие, не поднимайте его на близких, не вставайте под знамя Ирода. И тогда спасётесь! – кричала Татьяна

Это произвело на Катенина сильнейшее впечатление.

Радение закончилось. Люди, испытав блаженство, были счастливы. Старец Громов был доволен тем, как всё вышло. Татьяна, как пророчица, оставалась в центре внимания. Люди общались и делились впечатлениями. Тут на дворе раздался детский крик: «Жандармы!» Сектанты выбежали во двор и за считанные минуты испарились, словно были готовы к такому повороту и долго репетировали. Громов на бегу крикнул Егорке: «Жди меня, отрок, укажу тебе путь в царство божие!» По пыльной дороге действительно медленно ехали три подводы с жандармами.

Так Михаил Иванович Катенин и народник Пшеницын побывали на радении скопцов - самой таинственной из русских сект того времени.

4

Нарядная осень укрепилась в правах. Чухлома стала прозрачной, словно сама превратилась в озеро. Егорка расстался со взрослыми любовницами и все чаще навещал Татьяну. Он готовился принять огненное крещение и, беседуя о душе, всё больше сближался с белой голубицей:



- Нет ли хитрости в том, что мы лишаем себя причиндалов, чтобы избавиться от искушения?

- Обмануть беса не велик грех. Сказано ведь: «Если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну». То сам господь нам завещал. Настоящая любовь может быть только духовной. Прочее - всё блуд.

- Таня, а тебе больно было?

- Что? Лишиться груди? Больно и очень долго. Казалась, вечность. Я несколько раз теряла сознание, последний, когда прижигали. Но лучше пострадать единожды, чем вечно в геенне мучиться.

От этих бесед греховные мысли всё меньше насаждали юноше. Он всё глубже погружался в тёплый уютный мир. В людской было чисто, особенно в комнате Тани. Тут был удобный, хоть и старый, диван, который отдал ей барин, меняя мебель в усадьбе. На стене - картинки с ангелочками, тень от кружевных занавесок и прохлада от клена, роняющего листья за открытым окном, всегда чистые скатёрки, белая печурка и графин с водой, всегда вкусное едево, а мяса она не употребляла.

Когда у Татьяны было свободное время, Егор старался быть с ней, чем вызывал недовольство у матери. Они читали Страды и разговаривали о царствие божием. Любовь пришла к нему с озера в виде ангела синего неба.

Минуло два года. Одним из августовских вечеров он сидел на том самом валуне, где когда-то впервые увидел старца. Бирюзовое небо простиралось над ним сплошным чистым пространством без изъяна. Егор хотел, чтобы его душа стала таким вот чистым небом без малейшей помарки.

- Вот вернётся старец, и убелюсь.



Тут ему на колени опустилось белое пушистое пёрышко. Егор посмотрел на трепещущий пух, потом поднял взор, чтобы увидеть белого голубя, но вдруг оторопел - над землей в сиянии золотого света парил ангел!

- Кто ты?!

- Я ангел синего неба. Я являюсь, только когда небо синее, если в небе облака или оно свинцовое, словно готово пролиться дождем, я не могу сойти на землю.

- Пожалуйста, ангел, дай моей душе дар чистой любви!

- Она уже в твоём сердце. Иди, твоя избранница ждёт тебя.

И парень кинулся навстречу любви. Татьяна вышла к нему с распростертыми руками:

- Егорушко, милый, я соскучилась!

- Я люблю тебя, Татьяна!

- А я тебя...

Однажды, глядя его по голове, Татьяна спросила:

- Тебе, наверное, хочется соития, пока ты не убелился? Я знаю, это очень сильное желание. Я готова, только пообещай осторожнее, ведь я могу понести, даже не имея груди. Не стоит нам обречь ещё одну душу на страдания.

Танюша разделась. Её тело было прекрасно, только там, где у женщин обычно груди, у Татьяны были прижжённые шрамы.

- Что, друг мой, печатей испугался? - увидев испуганный взгляд возлюбленного, Татьяна одела короткую белую сорочку тонкого сукна и распустила волосы. Теперь она была похожа на ангела.

- Как примешь печать, больше никаких случек. Мы с тобой по духу сошлись, у нас чистая, сухая любовь.

- Что ты, Татьяна, я могу и потерпеть, – пролепетал парень, чувствуя, что терпеть больше не может. А как молиться, если все мысли только о ней?



Татьяна, прошедшая два убеления, не ожидала, что испытает настолько сильные чувства - внутри всё увлажнилось, а внизу живота возникло такое желание, что рассудок чуть не оставил голубицу. Благо её избраннику после долгого воздержания хватило ласк руками возлюбленной. Татьяна отёрла одежду и кровать льняным полотенцем и, глядя Егора по голове, решила не есть три дня, чтобы искупить грех.

5

Николай Николаевич Николаев и его любезная супруга София Китишна вернулись в родную Чухлому в расстроенном состоянии: их сын, пятилетний Митенька, занедужил в дороге. Мальчик потел, кашлял, у него начался жар.

- Ничего страшного, это всего лишь простуда, - успокаивала мужа Софья Китишна.

Но болезнь не проходила. На вопрос: «Где болит?» мальчик отвечал: «головка болит, ручки и ножки болят». Ручки и ножки у него дрожали, он плакал и выплёвывал еду.

Софи попросила свою дочь Лизу найти братику хорошую сиделку. Выбор конечно же пал на Таню.

Митя стал писаться, а затем, ко всеобщему ужасу, мальчика парализовало.

Таня меняла мальчику пелёнки, обтирала его, пела колыбельные песни: «О, ой, спи-ко, милое дитё, о, уж ты сон да дрёма, по зыбильну брела, о-о по верёвочке спустилась, к Мите в головы легла, о-о-о...» Малыш не понимал, что происходит, и испуганно смотрел на окружающих.

Родительскому горю не было предела. Им казалось, что это происходит не с ними. Они похудели и осунулись, никакие дела их больше не интересовали. Николаевы подолгу находились в комнате мальчика, ожидая, что вот-вот он начнёт шевелиться. По утрам они



просыпались, и им казалось, что всё хорошо, всё по-прежнему, страшный сон закончился. Но спустя мгновение они осознавали, что всё это произошло наяву.

Вот, наконец, приехал губернский доктор и, осмотрев ребёнка, сообщил, что забирает мальчика в костромскую больницу. А ещё чтобы ему срочно сообщили, если у кого-нибудь проявятся подобные симптомы. Медицинская карета уехала рано утром. Софи и Николай Николаевич отправились следом дилижансом.

А потом эти же страшные симптомы появились у Танюши. Когда Катенины телеграфировали в Кострому, оттуда пришло указание немедленно изолировать прислугу.

6

Старая телега с одним новым колесом, укрытая сеном, стояла около людской. Никто не хотел помогать Егорушке выносить возлюбленную, все боялись заразиться страшной неизвестной болезнью. У Татьяны не работали руки и ноги. Даже голову она не могла держать. Её тело обмякло и выскользывало из рук Егора. С огромным трудом он перенёс девушку на телегу. Потом вынес вещи и запас еды. И в конце картину Пети Доброго, на которой скопец изобразил Егора и Таню в виде ангелов. Парень положил картину под правую руку девушки. Флегматичная кобыла по кличке Гроза медленно потащила воз прочь из Чухломы. Зеваки разошлись.

Ехали долго, иногда Таня плакала: «Егор, зачем я тебе такая?»

Иногда она просила: «Егорка, покажи картину».

Парень тянул за вожжи, спрыгивал с телеги и демонстрировал возлюбленной шедевр местного художника - скопца. Таня улыбалась.

Михаил Иванович Катенин выделил несчастной паре пустующую избу на окраине деревни Фомицино. Вдали виделось



то самое гумно. Печь в избе немного дымила, и Егорка замазал трещину глиной. В остальном светёлка была хороша. Кровать Тани поставили у окна — так, чтобы она, повернув голову, могла видеть и улицу, и берёзки, и гумно. Над кроватью висели картинки: портрет Селиванова, распятый Иисус, праведники, голуби и, конечно, Егор повесил их совместный портрет. Под кроватью стояло судно.

Егор отвел Грозу в сарай и дал сена. Сам растопил печь и принялся варить горох. «Егорушка, мне бы по нужде», - запросилась Татьяна. Парень поднял ей ноги и подпихнул судно. «Егорушка, отвернись».

Парень вынес судно в отхожее место и снова принялся за приготовление едева.

Горох сварился. Егор поднял девушку и принялся кормить с ложки. Она глотала еду и просила: «Не торопись, помедленнее пожалуйста, я не успеваю глотать».

Потом Егор сходил за молоком, вскипятил и дал пить Татьяне. Потом несчастная голубица уснула, и Егор пошел прогуляться. Его неизменно тянуло к Израильскому дому. Подходя к гумну, он ощутил трепет, по всему телу побежали мурашки. Парень вышел на середину и закатил глаза. Так в забытии он стоял несколько минут, испытывая приятные ощущения во всем теле. Святой дух все ещё пребывал в этом месте. Подходя к избе, он услышал крик Татьяны - девушка испугалась, что любимого нет дома.

- Я здесь, милая моя, почитаю тебе Страды.

Как-то за окном они слышали возню, потом кто-то постучал в двери. Это были мать Егора с приказчиком. Егор и Таня очень обрадовались. Гости задержались до вечера, Акулина напекла пирогов и прибралась в светлице. Не боясь заразиться, они помогли Егору отнести Таню в баню и положить на придвинутые друг к



другу лавки. Там парень хорошо вымыл возлюбленную, которая по-прежнему не поднимала ни руки, ни головы.

Катенин прикатил неделей после, привёз еды и старой одежды: тулупы, валенки - скоро зима, но в дом заходить не стал. Уже начались дожди, и его дрожки были забрызганы грязью. Он справился, хватит ли дров, сена для кобылы и запасов крупы. Сказал, что берёт их на содержание, а если что-нибудь нужно, пусть Егор приезжает к ним в Чухлому без стеснения. Он сказал, что сын Николаевых - младший брат Елизаветы Николаевны - вернулся, но ходить пока не может. Потом барин уехал.

Изредка приходила бабка Матрёна Ивановна. Она брызгала Таню водой, гладила по рукам и ногам и шептала заговоры: «Снимаю с рабы божьей белой голубицы Татьяны всю тоску, килу, грыжу, порчу. Откуда пришло, туда пошло, отходи от рабы божьей вся порча в лес, не на народ, а в лес. Будьте слова мои крепче камня, крепче железа, заприся замком».

Как-то, переворачивая Таню, Егор увидел на её теле красный пятна. С тех пор он чаще гладил и мял возлюбленную, и даже ночью вставал, чтобы перевернуть её на другой бок.

Через месяц провизия стала заканчиваться. Егор запряг Грозу и собрался к Катениным. Таня специально ничего не ела и не пила с утра, чтобы дождаться возлюбленного.

Когда Егор выходил в двери, она вдруг окликнула его: «Милый, посмотри-ка!» Оглянувшись, он увидел, как улыбающаяся Таня поднимала руку. То-то было радости! Он бросился к ней и стал целовать. Ручки девушки потихоньку начали двигаться.

Но надо ехать! Всю дорогу парень улыбался и любовался чистым ноябрьским воздухом и деревьями.

Михаил Иванович всё мечтал о чухломской библиотеке, но встретил парня с радостью. Дворовые вынесли из чулана мешки с припасами, оржанных пирогов, плетуху яиц, кузов грибов и погрузили едево на телегу. Принесли рогожку, шубные рукавицы,



Катенин дал почитать влюбленным пару книг: Карамзин «Письма русского путешественника» и «Тарас Бульба» Николая Гоголя. А барыня вынесла сладостей. Так Егорушка отправился в обратный путь - надо поспешать: «Ну, Гроза, поспешай! У нас для тебя овёс, помнишь ведь?» Он ехал и думал о своей возлюбленной. То, что с ней произошло, ещё более их сблизило. Перед глазами было её лицо. Парень уже успел соскучиться.

Он ехал и, смотря в серое небо, напевал песенку:

«Матушка Мария,
Пресвятая Богородица,
Твой сон почитай.
Начинала во месяце марте,
Пресвятая Богородица,
Подходила ко городу Ерусалиму,
Ко церкви, ко собору,
Ко господнему престолу»

Вдруг телега дёрнулась и остановилось. Егор вздрогнул: Грозу под уздцы держал страшный кривой мужик в драном зипуне. Егор вскочил и увидел позади и с обеих сторон воза таких же страшных бородатых мужиков. У одного были волосы и борода чёрные, как смоль, и шрам через всё лицо. Он скомандовал испуганному парню: «А ну, барская приживалка, вставай на колени!» Испуганный парень опустился на землю, и чёрный ударил его топором по голове.

Умирая, Егор увидел свою любимую. Вот она лежит на кровати и ждёт его, прислушиваясь к каждому шороху. Она смотрит в окно и шепчет: «Сейчас, сейчас он вернется, и все снова станет хорошо».



Часть II

Вечная жизнь твоих красок

Летом две тысячи восьмого года в шикарных залах Государственного комплекса «Дворец конгрессов» в Санкт-Петербурге состоялась выставка картин неизвестного художника Пети Доброго. В залах Константиновского дворца были развешаны уникальные полотна художника 19 века, отражающие духовные устремления крестьян российской глубинки.

1

Не дай Господь увидеть тебе, читатель, блудные сны монахов. Снится праведникам такое, что немыслимо простому мирянину. Кому полные девки в бане, кому и девки, и мужики, кому кухня-недотрога, кому насилие и убийства. Великий грех снится монахам.

Идут они к утрени задумчиво, в тяжёлых мыслях, и просят Господа избавить себя от ночного срама, ибо не властны люди над снами. Днём они могут отвлечься на послушание и молитвы да сделать над собой усилие не мечтать о запретном, но сны им не подвластны, ибо, словно коварные демоны, приходят без спроса.

Иконописец Петя, вырисовывая мягкий облик Казанской Богоматери, мечтал об этой великой и непорочной женщине. Отрок Иисус рядом с ликом Пречистой был просто уменьшенным человечком. Это несоответствие пропорций всегда смущало Петрушу. «Какие чувственные губы у Марии, так бы и поцеловал», - вертелось в голове.

А ночью, во сне, он увидел холмы Галилеи, усыпанные язычками хельмониёта. Между этих ярких искр, избегая наступать



босыми ногами на красоту, созданную природой, шла юная еврейка, на ходу сбрасывая одежды. Она расстелила по земле симлу и, присев на мягкую шерстяную ткань, привлекла Петю к себе. Поцелуй смуглой девы проник в само сознание юного образописца словно кошерное вино, возбуждение накрыло парня. Четырнадцатилетняя красавица сама стянула с него хитон и настойчиво заставила познать себя, тихо вскрикнув, когда «посох» иконописца проник в священное лоно. «Мария, Мария», - шептал во сне Петя.

Губы спящих монахов двигались, и похотливый шёпот плыл над монастырём. Не дай Господь увидеть тебе, читатель, блудные сны монахов.

Как-то перед Троицей, возвращаясь из церковной лавки, на пыльной чухломской дороге встретил он однажды тогда ещё не старого праведника Громова. Кормчий, увидев на руках парня засохшую краску, спросил: «Да ты, отрок, образописец?» Так и разговорились.

Громов попросил нарисовать подобающим образом портрет одного человека, и Петруша согласился за малую плату, которую он собирался пожертвовать монастырю. Громов протянул послушнику замусоленный рисунок длинноволосого мужчины с выстриженной чёлкой и повязанным на манер бабочки белым шейным платком. Договорились встретиться через неделю.

Самая светлая из келий была определена под мастерскую. Закончив список очередного образа, Петрушка достал листок, полученный от странника, и стал переносить контуры на доску. Тут вошёл знаменщик Прокл и вытаращил глаза:

- Да ты знаешь, кто это?! Откуда это у тебя?!

- Меня попросили, я хотел мзду в монастырь снести, - испугался послушник Петя.



- Да ведь это Селиванов! - знаменщик скрылся за тяжёлой дубовой дверью и через некоторое время, запыхавшийся, появился с ворохом мятых бумаг.

- Так вот, это никто иной, как основатель самой изуверской секты скопцов. Я слышал от людей, что Кондратий Селиванов считается у сектантов самым царём Петром Фёдоровичем. Он же, прости Господи, Иисус Христос. Этот Селиванов действительно был однолетком нашего императора и стал известен аккурат после смерти Петра Фёдоровича. Вот, погляди-ка: это страды. Я разжился этими бесовскими, прости Господи, стишками, когда их - сектантов - человек пятнадцать жандармы сарестовали, тута - под Чухломой, их всех на каторгу отправили. Но самое страшное, что эти люди добровольно оскопляют себя, чтобы не испытывать более никакой похоти. Так вот: по их учению, царь Пётр Фёдорович был скопцом, и он не умер, а скрылся от всех и жены своей - Екатерины. Слушай. И Прокл дрожащим голосом начал читать помятые листы:

Град столичный он оставил,
Бросил Питер и Москву,
Грановитые палаты,
Бросил мраморный дворец.
И высокий трон презрел,
Святым духом был наполнен,
Он не умер – он живой
Каково?!

- Я думал, это какой-то барин заморский на картинке, – пытался оправдаться Петрушка.

- Что ты, Селиванов - простой крестьянин.

- Да как же крестьянин, посмотри на наших крестьян. А этот немец какой-то.

- Ты слушай: Пётр Фёдорович, по их учению, принял оскопление в Голштинии, а когда Екатерина узнала, что муж её к детопроизводству более не способен, захотела его убить в



Ропшинском дворце. Но государь-искупитель, он же Христос, скрылся в солдатском одеянии и уехал в Иркутск. Император Павел после смерти матери, захотел вернуть отца на престол, но Пётр Фёдорович потребовал от сына оскотления, и тот заточил царя-искупителя в богадельне. Только император Александр Павлович освободил искупителя, за что прозван Благословенным. И пошёл государь-искупитель, он же Христос, под вымышленным именем то Кондратия, то Семёна Селиванова по всему миру проповедовать спасение через огненное крещение. И воссоединился с учениками, первый из которых - Александр Иванович Шилов, он же Предтеча, которого называют то инженером-полковником, то князем Дашковым, уже помер к тому времени. И похоронен Шилов недалеко от Шлиссельбурга на Преображенской горе. Там у скопцов святое место. Я много про них знаю - и про Данилу Филипповича, и про содержательницу «корабля» Акулину Ивановну, и про других сектантов. Так что оставь ты это занятие, не гневи Господа.

Прямо при знаменщике Петя порвал сектантскую картину. Но засел к нему в душу бесёнок. Тот самый, что тянет людей к неизведанному и таинственному. Который через гордыню приводит православных в секты, тайные общества. Искушает отведать запретный плод. И наш образописец тайком, по памяти, не один, а два портрета изготовил. И в урочный для его жизни час прибыл в условленное место.

Теперь наш герой уже по-другому смотрел на праведника – что-то таинственное было в его облике. Громов улыбнулся Петрушке, и образописец, робея, вытащил из-за пазухи две дощечки. Портреты были настолько изумительные, что странник залюбовался.

- Любезный отрок, но у меня нет столько беленьких, чтоб заплатить за твой труд.

- Ничего не надо, отче. Я рисунок потерял, так что забери бесплатно.



- Так ты, верно, знаешь, кто это? – Громов заглянул в глаза Петрушке.

- Знаю, отче.

- И что же, в жандармерию не сообщил? – Громов испуганно посмотрел по сторонам.

- Нет.

- Так ты, может, побывать у нас хочешь?

- Хочу, отче.

Тут кормчий внезапно заговорил на тарабарском языке, от которого отрок весь пошёл мурашками. Неестественные волны прошли по его телу, и Петруша испытал невероятный подъём и лёгкость. Голова слегка закружилась (Что же это за колдовство?!)

- А ну ка, пойдём со мной, – приказал Громов, и образописец послушно последовал за ним.

Громов и Петруша пошли вдоль оврага, там их ждали два прилизанных и опрятно одетых мужика, на шее у каждого – по белому платочку. Тут отроку завязали глаза и повели через лес. Вскоре он почувствовал запах дыма и варева. Не скоромного, но постного, словно монастырское едево. Вот парню развязали глаза, и он увидел множество шалашей посреди леса. Сектанты суетились – было время обеда, и в трёх больших котлах вкусно прела готовая каша. Но пора к молитве: «Дай нам, Господи, к нам Иисуса Христа! Дай нам, Сын Божий, Свет помилуй нас! Сударь Дух Святой, Свет помилуй нас! Ох ты Матушка, Свет помощница, Пресвятая свет Богородица! Упроси, свет, об нас Света Сына твоего, Бога нашего! Свет тобой мы спасены, на сырой на земле, на матушке, на сударыне, на кормилице! Артарасарбадал....»

И так хорошо стало Петрушке от этой молитвы, что всё его тело пронизал ток.

- Чувствуешь? Это Дух Святой коснулся тебя, – прищурился Громов, – так что ты выберешь на День Троицы - молитвы в



мёртвой храмине, где душа твоя, как птица, в золотой клетке, али здесь с братьями радеть?

- Я у вас побуду, отче, хорошо мне тут, аaaa как хорошо....

После молитвы отведали вкусное, хоть и постное, праздничное едево. Все были в приподнятом настроении и ожидании праздничного радения. Громов показал всем портреты искупителя Селиванова и представил мастера. Сектанты касались Пети и выражали благодарность. Потом все расселись под деревья, и Громов начал рассказ:

«Было тогда мне около двадцати годков, когда увидел я своими глазами искупителя нашего - Бога живого. Явился он нам в левантиновом халате, золотом расшитом. С белым платочком на шее. Взгляд его был кроток, голос тихий, но каждое слово колокольным звоном раскатывалось по комнатам и вызывало в нас невероятные чувства. Он воссел на престол под всевидящим оком и благословил нас на радение. И тотчас дух святой вошёл в нас, и стали мы пророчествовать».

Рассказ Громова о том, что он видел, хоть и давно, самого Кондратия Селиванова очень воодушевил сектантов и, когда кормчий закончил, они тихо запели:

«Царство, ты Царство, духовное Царство!
Во тебе во Царстве, Благодать великая:
Праведные люди в тебе пребывают,
Они в тебе живут и не унывают;
Надежду на Батюшку они полагают,
На Святого Духа крепко уповают;
Друг они со другом в любви пребывают,
Праведные верных своих не оставляют...»

- Что же, отче, здесь все?

- Что все? А! – Громов улыбнулся – нет, убелились не все, многие принадлежат братству духовно.

- Тогда и я с вами



- Ты давно с нами, отрок, твой путь Христос наметил, и душа твоя к истинному учению тянулась, когда бесы совсем измучают, тогда... знаешь путь. Ибо с тех пор, как Адам и Ева вкусили плода запретного, кой и есть совокупление, путь в сад Эдемский у нас один, как у всех праотцов и пророков – оскотление. Так было заповедано избранному народу - оскотление, а не обрезание.

- И правда, какой смысл в обрезании? Похоти от него только прибавляется! Можно и без обрезания уд свой в чистоте содержать.

- Потому что не обрезание, а полное оскотление, такой закон был дан Израилю. Так что уходи ты от фарисеев.

Тут Петруша увидел на берёзе икону и вскочил:

- Это же «Благое молчание», я слышал про неё и всегда хотел посмотреть!

Громов пошёл за отроком:

- Да, это Спас Благого молчания. Посмотри, Петруша: нимб - как у Господа Саваофа, а в нём шестиконечная звезда из двух квадратов. Один обозначает божественность Вседержителя, а другой знаменует собой мрак его непостижимости.

Петя, как замороженный? стоял у запрещённой иконы и шептал: «Только бы запомнить».

- А вот погляди-ка сюды, - и кормчий показал на другую икону, где на синем фоне был изображён седой старец.

- Ветхий днями?! Не может быть! Парень опустил на траву: все тайны мироздания обрушились на его трепетное юношеское создание, пропитанное любовью к Богу и добродетели.

- А знаешь ли, отрок, что тута во враге три заветные камня-валуна лежат? Один красный, другой белый, а третий чёрный. Белый - то чистота, красный – кровь Господа нашего, за нас пролитая, а чёрный - то мрак его непостижимости. Ты снимай своё чёрное одеяние и одевай вот - белое, символ чистоты духовной - и пойдём с нами. Только через радение можно мрак непостижимости



развезать - то есть истинное, не книжное знание и не фарисейское. Его нельзя забыть, оно навеки с тобой.

Громов протянул юноше белые одежды. Петя осмотрелся – братья и сёстры переодевались в белое. Тогда-то Петруша и вкусил в первый раз счастья. Никогда, ни перед одной иконой не был он так счастлив, как в тот день, кувыркаясь в безумном хороводе вместе с братьями и восклицая: «Ой, дух! Ой, дух! Царь, бог, о, ега, о-го-го!» Он уж и не видел ничего вокруг, а только всё белое, и то самое счастье входило в него, и он порхал, как лист на ветру, а блаженства становилось всё больше и больше, всё прибывало и прибывало, и мягкая искрящаяся сила проникала в его члены, и они становились невероятно гибкими, словно он какой акробат. Этот несравнимый ни с чем экстаз, который ему захотелось испытывать снова и снова, поставил жирную точку на его прежней вере.

А ночью к нему снова пришла обнажённая Богородица около орхидейного дерева. Её смуглая кожа безупречно гармонировала с яркими цветами баухинии. С криком: «Больше не могу! Нет мочи!» Петруша вскочил с жёсткой постели и схватился за нож...

В ту ночь монастырь разбудил его крик – братия нашла парня на багряном от крови полу кельи. Это был очень громкий случай: отрок-образопиесец оскопил сам себя в монастыре. Пролечившись две недели в монастырском лазарете, он навсегда покинул стены обители, и никто его не видел более у причастия – ни разу и никогда.

Белые голуби свели его на постой к двум мещанкам – сёстрам-скопчихам Прасковии и Епистимии, что тихо-мирно жили в прибрежной рыбацкой деревне, свозя рыбу на торговую площадь в Чухлому, с чего и имели доход. Там он и остался жить, а к родным более не ходил.

Однажды зимой Петя подобрал замёрзшую умирающую птичку, отогрел её и спас, за что был прозван среди братьев Добрым во веки веков.



Царство, ты Царство, духовное Царство!
Во тебе, во Царстве, Благодать великая:
Праведные люди в тебе пребывают,
Они в тебе живут и не унывают;
На святого духа крепко уповают;
Друг они со другом в любви пребывают...

Так жил белый голубь Петя Добрый несколько лет. Писал картины и пытался продать на торговой площади. Кое-что покупали, но всё одно говорили: «Странные они у тебя». А потом случилось вот что. Пошёл наш художник в деревню Фомицино – проведать голубицу Татьяну, пребывающую в параличе, и её духовного возлюбленного, да наткнулся на убитого разбойниками Егорушку, лежащего на дороге. «Ай ты, Господи! Парню уже не помочь, а как же там праведница, ведь помрёт - ни руками, ни ногами двигать не может! Парализована после болезни!» И побежал художник в деревню.

Таня лежала на кровати и плакала – уж два дня никто не ворошил её и не поил водой. Бросился он поить да кормить её. Да постель сменил. А потом рассказал о страшной гибели её духовного друга. Горько плакала Татьяна...

Через некоторое время после похорон Егорушки задумал Петя свезти голубицу к заветным камням. Снарядил деревянную тачку на одном колесе, усадил Таню и покатил ко врагу. Бабка Матрёна Ивановна дала в дорогу пирогов с капустой и отвар трав. Татьяна уже могла двигать ручками. Так и поехали: одной рукой она держалась за край тачки, другой прижимала к себе портрет, с которым уже не расставалась всю оставшуюся жизнь. На ней в виде двух ангелов были изображены Таня и её покойный дружок Егор.



- Кто там, душа моя? Уж не почтальон ли?! Ужо с месяц нет вестей от Ефим Андреича! – крикнул помещик Михаил Иванович Катенин жене, которая пошла справиться, кто пожаловал.

- То Таня хромая была, принесла новую Петину картинку.

- И что же, купила ты?

- Купила, что делать, всё одно у него их почти никто не покупает. Я ему твой портрет заказала, завтра придёт. Жалко их, убогих, а Егорку убиенного жалко особенно. Кто мог знать, что Таня на ноги встанет, чудо ведь. На вот, она ещё ихние эти... святыньки передала.

- Вот спасибо, – сказал помещик, закусывая святынькой, – однако странные картины у этого Пети. Ну положи в чулан.

- Так сектанты они.

- Так и Христос поначалу в секантах ходил, разве нет? Это уж потом церковь образовалась, опосля Вселенского собора.

- Это ты дружка своего, народника, наслушался, любезный супруг, – засмеялась Лизавета Николаевна.

Помещик Михаил Иванович Катенин словно чувствовал, что будет весточка от друга и новые книги для будущей чухломской библиотеки. Давно замечал он за собой такие вот предчувствия. Буквально через час раздался новый стук в дверь – то принесли долгожданную посылку от его друга – народника Ефима Андреевича Пшеницына.

Распечатав тяжёлый свёрток, помещик прежде всего припал к письму, отрешившись от всего окружающего, но потом вдруг встрепенулся и стал звать супругу:

- Елизавета, дорогая, погляди, что пишет нам Ефим Андреевич: «Нахожусь нынче в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии. Так интересно мне общаться с горными черемисами и чувашами, что и описать затрудняюсь. Здесь до сих пор есть священные рощи,



где они молятся своим богам, за что претерпели много ущемлений он власти. Но спешу сообщить не об этом. На днях здесь вспыхнуло восстание. Крестьяне снова взялись за вилы и рогатины. Я же оказался в самой гуще событий, поскольку из Чебоксар направился напрямиком в Козьмодемьянский уезд. На днях пока что всё успокоились, поскольку подошли царские войска, но я верю, что малые народы восстанут против умаления прав. Поэтому, любезный друг, прости, что долго не писал. То-то ещё будет, уж я чую! Шлю поклон супруге, моя Эрнепи передаёт сердечный привет. Ваш Пшеницын.»

Лизавета Николаевна взяла письмо из рук мужа, а помещик стал рассматривать присланные книги: Матвей Комаров «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе»... так-так... а это Фаддей Булгарин - «Иван Выжигин, или Русский Жилблаз.» Интересно, а это что... Варфоломей Стеблин - «Раздолье?»

Михаил Иванович раскрыл тонкую книжку:

- Дорогая, да тут стихи? какие-то они странные:

Поволжская падаль пахнет тинной,
Над ней парит чайка,
Поволжская падаль – кривоногий рыбак в камыше.
Целый день ловит щуку – ни человек, ни зверь,
Просто скотина.
Когда татарин изнасиловал финку,
Рогоз на ветру колыхался,
Они, доедая кобылку,
Народили потомство угрюмых уродов,
Что зовётся поволжская падаль.
Пьянство до гроба.

- Дорогой мой, я не могу такое слушать. А нет ли там книжки про любовь?



- Конечно, есть, душа моя. Книжка Матвея Комарова.

- Ну и славно, дай мне, а это выброси.

- Непременно выброшу, душа моя, – согласился Михаил Иванович, пряча тайком в карман тонкую книжку Варфоломея Стеблина.

За ужином супруга ещё раз справилась, выкинул и супруг книжку.

- Выкинул, дорогая, – ответил Михаил Иванович. Потом вспоминали Николая – брата Михаила Ивановича, с коим они соревновались в собирательстве библиотеки.

Утром к Катениным с мольбертом и красками пожаловали Петя Добрый и Татьяна. Все уселись в светлое место. Петя завис над мольбертом, рисуя сидящего у окна Михаила Ивановича, хромая Татьяна подавала палитру, а Лизавета Николаевна распорядилась по хозяйству. Она не видела, как муж тайком раскрыл обёрнутую газетой книжку Варфоломея Стеблина:

Здесь – на Волге - все бурлаки,

Все разбойники.

Все уродливы и бедны,

Все дешёвые.

Тянут лямку, сжимая топор

За пазухой,

Иш, вдали красный бугор,

Привязывай

Ушкуй,

Волжане.

Доедайте кобылу и смотрите на угли,

Поволжская падаль,

Я с вами

Буду на мели.



Тут в комнату зашла супруга, и Катенин спрятал книжку за себя. Лизовета с любопытством приблизилась к художнику и мило улыбнулась. Что означала её загадочная улыбка, Михаил Иванович не знал, но она его заинтриговала. Потом супруга удалилась, и помещик снова открыл вождеденную книжку стихов.

Здесь полугар рекой,
И все за столом свои,
Но вспоминаю порой
Рассказы пьяной свиньи.

У него за пазухой нож,
От него ужасно разит,
И снова бросает в дрожь
От сказов этой свиньи.

Свиньи Поволжья блестят
Словно звёзды пути,
Их глазки в небо глядят,
Они шепчут: Господь, прости.

Но млечная дрожь в ночи
Зовёт свиней убивать,
И ты уж лучше молчи,
Чтобы свиней не призвать.

Это всегда табу,
Это волжский простор,
Перевернись в гробу
И взойди на бугор.
Аминь.

- Как же так случилось, Татьяна, что ты исцелилась?



- Я так считаю, барин, что заветные камни мне помогли, а более всего вера.

- А что за камни такие?

- В овраге три заветных камня-валуна лежат. Один красный, другой белый, а третий чёрный. Белый - то чистота, красный - кровь Господа нашего, за нас пролитая, а чёрный - то мрак его непостижимости. Та и сошло на меня исцеление, а на Петрушу талант великий. Это ничего, что сейчас его картины на выставки не берут, так Господь распорядился, что спустя много лет люди признают этот его талант.

- Не верю я в это всё, а так бы Митю свозить, не ходит до сих пор даже после лечения.

- Я покажу, барин, - вступил в разговор Петя Добрый.

- Слыхали, черемисы с чувашами опять бунтуют?

- Нет, барин, не слыхали. Нам бы самим от жандармов не пострадать, не жалуют они белых голубей. Бояться веры истинной.

Так и просидели старые друзья до вечера, а потом все пили чай. Портрет получился превосходный. Говорят, в Отечественную войну кто-то из местных обменял его на кусок хлеба. С тех пор никто не видел этого полотна. Портрет хозяина чухломского пивоваренного завода Неклидова тоже безвозвратно утерян, как и многие портреты того времени, и память о тех людях, что жили и трудились в этих чудских лесах на благо Российской империи.

3

Декабрь трещал и пах дымом. Кутаясь в муфту, мимо деревянных балаганов Екатерининской ярмарки медленно плыла молодая красавица дворянского рода Надежда Григорьевна Шигорина. Вдруг девица на выданье увидела худого и миловидного торговца живописью с белым платочком на шее, торчащем из-под тулупа. «Вот бы у меня такой муж был», -



подумалось нашей девице, и она подошла к картинной лавке. Торговец со светящимся постным лицом и лучистыми глазами нежно ей улыбнулся и снял шапку.

- А это не Ваши ли картины, любезный?

- Да, сударыня, это мои картины, – ответил Пётр

- А как же зовут столь талантливое художника?

- Зовут меня Петя Добрый. Приятно, что Вы, сударыня, оценили мои скромные произведения.

- Так Вы ещё и добрый?

- Люди так говорят. Хотите я Ваш портрет напишу?

Надя ещё не знала, станет ли этот прекрасный мужчина её возлюбленным, но тут же ухватилась за предложение. Они сговорились, чтобы на другой день он пожаловал в её апартаменты и рисовал портрет в присутствии гувернантки, ибо девушка она честная, и к ней уже сватается помещик Ипполит Дементьевич Черногубов.

На следующий день хромая Татьяна подменила Петю на ярмарке, а он отправился писать портрет молодой дворянки в светлый деревянный особняк на окраине Чухломы. Прежде чем он сел за работу, Надя в своём самом лучшем наряде провела гостя по прибранным комнатам и показала картины и книги, наблюдая за реакцией художника, ибо для образованного человека они безусловно являли интерес. И Петя не подвёл, он высказывал весьма компетентное мнение по книгам, картинам, вазам и прочим ценностям. Потом был чай, потом, наконец, уселись. Через час работы Наденька захотела по малой нужде и стала придумывать повод отлучиться. Наконец, она сказала, что сама принесёт напитки, ибо хочет размяться. Гувернантка, читающая повесть Алексея Феофилактовича Писемского «Тюфяк», всё поняла и улыбнулась. Петя работал несколько часов и попросил запереть холст в кладовой, чтобы никто не испортил и не смотрел раньше времени, а на мороз выносить он его не может. Конечно, как только



художник ушёл, Надежда Григорьевна сиганула в кладовую – то, что намечалось, было великолепно.

Ночью ей приснился чудесный сон. Они с Петей бегут по дороге к церкви и вдруг падают в раскиданную скирду. Петя целует её, и она чувствует сильное влечение. Потом они решают, что им непременно нужно обвенчаться в той церкви, и они снова бегут. Но церковь никак не приближается. Потом они видят райскую птицу, из неё выпадает перо, и, подобрав его, влюблённые оказываются у церковных врат. Ощущение блаженства накрывает Наденьку. В порыве безумного чувства она входит в церковь, но видит, что та пуста и суженого нет.

- Да что с тобой, Наденька? Ты всю ночь простонала, – спросила утром гувернантка, а девушка поняла, что влюбилась.

- Где же ты, мой шкипер, где же ты, где....

Хороша жизнь в уездном городе зимой, особенно когда приезжает ярмарка. Можно веселиться, катаясь на санках с заснеженных валов прямо на озеро. Валы – это единственное, что осталось от древней крепости. До великого поста ещё далеко, да и не соблюдает почти местная чужь пищевой запрет. Само слова Чухлома происходит от слова «чудь». В монастырской летописи сохранилась запись о том, что здесь - за великим лесом на берегу озера - в четырнадцатом веке было поселение чуди. Галичский князь Фёдор Семёнович, проезжая из Галич-Мерьского в Солигалич, решил поставить на берегу Чудского озера крепость. Чудь не возражала. Спустя четыре столетия во время великого пожара крепость сгорела. Озеро стали называть Чухломским, видимо, от презрительного «чухня», ибо любой чухонец, крестившись по русскому обычаю, начинает презирать соплеменников. До сих пор чудь, хоть и крещёная, так и живёт в этом благодатном месте – летом ходит по грибы, а зимой катается на санках.



Уже в пятый раз скатились Петя Добрый и Надежда Григорьевна Шигорина на лёд Чухломского озера. Они смеялись и, падая с санок, катились друг к другу, как безумные.

- Петя, сейчас гувернантка папеньку приведёт. Давай убежим.

- А кто у Вас папенька?

- Коллежским регистратором в суде мой папенька состоит... по бумажному делу.

- Ну, таких мы не боимся.

Вся промокшая и счастливая вернулась Наденька домой уже под вечер – к чаю. Девушка думала, что её будут ругать за общение с человеком не её круга и уже готовилась было защищаться, но презрительная улыбка отца ввела её в недоумение.

- Я влюбилась, папенька, и нечего на меня так смотреть.

- Ну и каковы у тебя теперь планы, доченька? – поинтересовался отец.

- Известно какие -быть с любимым человеком.

- А как же это возможно, дочка, ведь он скопец?

Тут Надя почувствовала, что теряет сознание.

- Нет! Не может быть! Вы всё врётё! – закричала она и кинулась в свою комнату, чтобы прорыдать всю ночь.

Мать принесла ей чай и рассказала, как они узнали, кто такой этот Петя Добрый. Плохого о нём никто не говорит, но и женихом он быть не может, ибо не способен к продолжению рода и придерживается ереси.

- Ты пойми, доченька, дело не в сословии. Он хороший, талантливый человек, хоть и картины его мало кто понимает. Он красив, образован... но как? Ты уже большая. Должна понимать.

- За что мне такое, маменька, ведь это моя первая любовь? А может?..

- Да нет, доченька, это совершенно точно. Отец беседовал с ихними, всё точно, оскотлён он. И не повенчают вас, он сам в



церковь не пойдёт. Ты держись, дитя моё, поплачь, легче будет. У тебя Ипполит Дементьевич есть.

- Не люблю я его! Ну что же ты, мой шкипер! Как же ты так? ..

4

По некошеному полю пробирались на радение белые голуби. Трава больно цеплялась за ноги, во рту пересохло. Зато жандармы пока бредут, уж и разойтись все успеют. В последнее время часто пресекались радения, словно кто-то сообщал властям о незаконных собраниях.

- Говорила я, быть тебе, шкипер, «кормчим», - произнесла запыхавшаяся Наденька. Она в приливах нежности всегда называла Петрушу шкипером.

- То лишь в отсутствие старца, – ответил Петя.

- Так он почти всегда в бегах, – с сожалением возразила Петруше Таня Дмитриева.

- Скоро все мы будем в бегах истины ради.

- Мы готовы, – ответили девицы.

- Аминь, – произнесли все трое.

Вот и опушка леса. Сторожа огласили пароль, идущие – отзыв. В любой империи инакомыслие есть самое тяжкое преступление. Вот и знакомая поляна, украшенная рисунками, иконами, рушниками. Братья переодеваются в белые одёжи. Петя волнуется – он сегодня кормчий.

Центр поляны - самое намоленное место, Он выходит на середину и призывает святого духа. И тут же всё тело художника пронзают тысячи невидимых игл, и все его слабые мышцы наполняются силой. Эти невидимые энергии через кормчего летят к братьям и сёстрам, и все они напитываются силой и блаженством. Петя кричит молитву, и корабль приходит в движение: неестественные позы, кружение, странные танцы, исступление.



Они словно находятся вне времени и пространства, немыслимые образы возникают перед ними. Потом новенькая Надя Шигорина падает на колени посреди вертоградного круга и начинает пророчествовать: «Долго, долго живёт на земле человек, целых два миллиона лет. Столько ни один вид не существует. Скоро человек вымрет, как любой вид на Земле. Каждые сто пятьдесят миллионов лет происходит массовое вымирание, всё живое погибает. Так Земля обновляется, и таков закон создателя. Последнее было семьдесят миллионов лет назад, следующее наступит через восемьдесят миллионов лет. Но ни один человек этого не увидит, потому что вид этот скоро исчезнет. И когда это начнётся, никто не будет знать, отчего все вокруг начали умирать. Таков закон Создателя».

В этот день никто не потревожил «корабль». Всю ночь провели братья и сёстры около костра, рассуждая о царствии небесном, о вымирании человека и всего живого. Самый начитанный, скопец Кузьма Себорин, заявил, что читал подобное в редких научных статьях, случайно оказавшихся у него. Все понимали, что райская птица Надя, которую интересует лишь любовь к брату Пете и Господу, не могла читать подобных статей, и очень восхищались новой будущей богородицей. То был счастливый день. Ведь в обычной жизни белые голуби видят лишь труд да заботы. Впрочем, многие из них, словно по благословению божию, живут неплохо, а кто-то и лавку содержит, и другим братьям помогает. Здесь же настоящий отдых. Кто-то, наловив рыбы, варит уху, а кто и рыбы не ест - тогда горох, праздничные лепёшки и прочее вкусное едево. Братья побогаче позаботились всех накормить в День апостолов Петра и Павла. Все болтают и смеются – хорошо после радения, словно все они уже в раю.

На другой день Петя тайком справился у Наденьки, не читала ли она тех научных статей, о которых упомянул Кузьма. На что



девушка твёрдо ответила – нет! Папенька и маменька разрешали ей общаться с Петей и Таней, понимая, что сие абсолютно безопасно.

- Шкипер, права я была, когда говорила, чтобы Павлухе с кожевенного двора не сообщали о радении? Недаром я его с жандармами видела, – перевела разговор Надежда.

- Ты совершенно права, он и есть Иуда!

- Вижу твоё великое будущее, шкипер, – таинственно произнесла влюблённая девица.

- Аминь, – улыбался художник.

Бабка Матрёна Ивановна, узнав про предательство Павлухи с кожевенного двора, тут же потребовала, чтобы Петя нарисовал его портрет. Решив, что это ей необходимо для оповещения всех братьев в Фомицино, художник накидал карандашом довольно точный портрет предателя и подписал на нём его имя.

После этого Матрёна сразу отправилась на одинокий перекрёсток и затеяла на нём в полдень лютое колдовство. Она навела столько колдовства, что впервые увидела вдали Проходящего. Всю жизнь она хотела узреть Хозяина духов, но у неё не получалось. Лишь изредка, словно через запотевшее стекло, видела она разные сущности, что помогали её в делах. А тут явился он сам. Старушка обомлела и опустилась на дорогу, ощутив ладошками тёплую мягкую дорожную пыль. Проходящий сделал лишь один шаг и тут же очутился возле Матрёны Ивановны. Высокий, красивый, лицо бледное, макинтош чёрный, сапоги блестят.

- Хозяин, я всегда хотела увидеть тебя! Всю свою жизнь, с тех пор, как начала ворожить. Стоя на перекрёстке, каждый раз всматривалась вдаль. Я отвергла всех женихов ради тебя. А сейчас я совсем старая, и мне не стать твоей женой.

- Любовь не стареет, Матрёнушка. На вот, посмотри.



Тут он достал из кармана пальто красивое зеркальце и протянул женщине. И Матрёна увидела своё прекрасное молодое отражение, словно и не было всех этих прожитых лет.

- Ну пойдём, красавица. Ты же этого хотела.

На следующий день бабу Матрёну нашли на перекрёстке мёртвой, а ещё через день предатель Павлуха повесился на длинном хлысте прямо на балке кожевенного двора.

5

Удобно развалившись в кресле, Михаил Иванович вертел в руках книжку Фаддея Булгарина «Правдоподобные небылицы».

- Лизонька, ты только послушай: Булгарин в своей книжке пишет, будто бы через тыщу лет вся утварь будет делаться из серебра и золота, а дома будут возводить из чугуна. А монеты будут чеканить из дубового, соснового и берёзового дерева. Оттого, что их предки, то есть мы, без всякой предусмотрительности истребляли леса и не радели о воспитании и сохранении деревьев, они, наконец, сделались редкостью и драгоценностью.

- Так лес же постоянно растёт. В позапрошлом годе не засеяли западное поле, в этом уже берёзки крохотные торчат, – возразила супруга, глядя на пушистый снег за окном.

- Он так же пишет, что и животных мало будет, и через тыщу лет все люди будут из моря питаться. А международным языком станет арабский. Неужели так и будет?! Ох и занимательно пишет Булгарин!

- Говорят, Пушкин его не любил. Мол, Фаддей Венедиктович на Сенатской «Конституция» кричал, а сейчас старых взглядов сделался и с охранкой сотрудничает.

- Что Пушкин, дорогая! Пушкина забудут. Вот книги Булгарина будут жить в веках, несмотря на то, что он на стороне Наполеона воевал.



- Это да, Пушкин с ним не сравнится. Помнишь, как Булгарин сиротку описал в романе «Иван Иванович Выжигин»? Я рыдала тогда тайком от прислуги.

- А какие приключения потом выпали на долю героя – зачитаешься! Да, интересно пишет Булгарин и поучительно.

- Слава богу, Мишенька, что ты, книжку этого Варфоломея Стеблина выкинул-от.

Михаил Иванович промолчал, ибо прятал книжку «Раздолье» от жены в своём гардеробе.

Не ведал наш помещик, что в то самое время в костромском салоне на Всехсвятской улице поэт Варфоломей Стеблин читал свои стихи.

Среди слушателей были петрашевцы, нигилисты, вольтеррианцы, либертины, анархисты – в основном приезжие, а также местные более-менее образованные и надёжные мещане и дворяне, которых привели, дабы заразить их разум вольнодумством и утопическим социализмом. В третьем ряду в полном восторге восседал народник Пшеницын. Он сильно жалел, что в эту минуту с ним нет его друга – помещика Катенина из Чухломы, вот бы он порадовался этим страшным и одновременно прекрасным стихам скандального литератора.

Поэт Варфоломей Стеблин был одет в рубашку, измазанную красной краской, на голове - чёрные деревянные рожки для образа, приколотые заколками к волосам. Ноги обуты в штиблеты на пуговках. Лицо красивое, вытянутое, волосы длинные, слегка вьются. На стуле - старая николаевская шинель. Приняв позу оратора, поэт громогласно возвестил:

Россия, гой, страна воров!
Живёт здесь нация убийц
Среди болот, среди лесов,
Здесь правит кодла кровопийц.



Ты посмотри, каков простор,
Полей российских красота.
Мордвин, татарин, жулик, вор
Здесь пьют казённую до дна.

Поволжья пьяные сыны,
Болота вонь и неба синь.
России лучшие умы
Убиты будут и аминь.

«Браво! Браво!» – закричали зрители. Тут же началась дискуссия о том, что царизм превратил русского человека в животное и какие новые течения помогут вернуть русского человека на путь прогресса и созидания. Через пять минут горячего обсуждения Варфоломей продолжил свои стенания:

Полукур в кабаке, полугар
«Эталон» в кабаках по весне,
И пьют потомки татар,
Потому что уроды все.

Вот скучает забытый нож
В голенище мордвина Фомы:
Несколько пьяных рож
Зарежет он до зимы.

Поволжье широкой спиной
Стоит на кривых ногах,
Рязанской мордой - собой
Смотрит в души собак.

В пьяном угаре отец
Дочь свою соблазнил,



А сосед, наконец,
Насмерть жену забил.

Великая Русь моя,
Скорбная мать берёз,
Ты пьяная, как свинья,
И грязная, как навоз.

Тут все долго молчали. Кто-то глубокомысленно произносил:
«Да...» Пришла очередь третьего стихотворения.

- А знаете ли вы, господа, что город, в который нас занесло,
носит имя человеческой жертвы? Итак, посвящается Костроме:

Кострома, Кострома -
То ведь кукла одна,
То ведь жертва одна,
И она сожжена.
То ведь девичий страх
Волокут на костёр,
То и пепел, и прах,
То и Волги простор.
Почему Кострома этот город зовут?
Потому что убийцы в том граде живут.

Зритель заплодировал. Тут вскочил прилично одетый человек приятной наружности - тонкие мягкие черты лица, кудрявые волосы, чувственные губы. Звали его Александр Николаевич Григоров.

- Так вот, друзья мои, стихи у господина Стеблина, конечно, сильные. Исключительно сильные стихи. Они, безусловно, шокируют. И очень, знаете ли, сильно шокируют. Вы меня знаете, я слов на ветер не бросаю. Я у Павла Ивановича Пестеля служил. В



тайном обществе «Южное» состоял. Женщины скоро в нашей провинции станут образованнее мужчин, это я обещаю.

Послышался коллективный смешок.

- Да-да господа, мои. Вот сейчас только появилась у меня мысль, вот Вы, любезный поэт, мне её подали. Да, этот город носит имя сожжённой девушки, но при всех вас заявляю: я открою здесь женские училища. На свои деньги открою.

- Так нет же здесь образования никакого, господин статский советник, – возразил Пшеницын.

- Нет, значит будет!

Тут вскочил заросший чёрной бородой, небрежно одетый философ-любитель Авдей Разрывов:

- Женщина - не человек! – воскликнул Авдей, – нет женщин-изобретателей, женщин-великих художников и композиторов. Если бы мужчины не прикладывали свои таланты, общество жило бы в пещерах до сих пор! Зачем Вам, Александр Николаевич, тратить деньги впустую?!

- А что же скажут наши славянофилы? – Ефим Андреевич Пшеницын, пытаясь уйти от скользкой темы, обернулся в сторону серьёзного человека с окладистой бородой. Тот, улыбнувшись, встал и, видимо, желая показаться сведущим, задал вопрос из теории стихосложения:

- Ну что же, зовут меня Фёдор Васильевич Чижов, я тут проездом, хотя Кострома – мой родной город. Уважаемый поэт, что за стихотворный размер Вы применяете? Просто мы знаем, что и Кондратий Фёдорович Рылеев, и Александр Сергеевич Пушкин писали ямбом и хореем.

- Я в основном пишу трёхсложным стихом, а также свободным стихом. Это ново в поэзии. Пушкина и Рылеева не люблю и не считаю их поэтами.

- А скажите, уважаемый поэт, почему у Вас ни строчки о славянах?



- Потому что такого народа не существовало.

- Ну знаете ли!

Тут народник Пшеницын, понимая, что грядёт совсем уж неистовый спор, достал плоский свёрток. Он распечатал его и извлёк чудесную картину Пети Доброго.

- Дорогой наш Варфоломей, позвольте презентовать Вам полотно одного чухломского художника, оно так и называется - «Раздолье».

Поэт долго разглядывал странную картину, забыв о зрителях, и в изумлении произнёс:

- Надо же, вот это и есть искусство!

Потом он достал дорогие золотые часы – подарок генерала — и, взглянув на циферблат, произнёс:

- Однако, господа, пора...

6

Что такое любовь? Неужели просто инстинкт продолжения рода? Или любовь - это нежная привязанность, когда два человека дополняют друг друга? Что двигает известными в Чухломе блядами - мещанкой Лизовой и её подругой Глафирой? Именно обострённый половой инстинкт. Бесы измотали несчастных женщин так, что они пятью мужиками насытиться не могли. Постоянно чесалось у них между ног, и думали они лишь об одном: найти мужичка, готового присунуть им твердого елдака в любом безлюдном месте.

Напротив, отношения художника Пети и Наденьки Шигориной являли собой чистую сухую любовь и глубокую привязанность. И то, и другое есть две крайности. Райская птица Надя очень сильно полюбила художника и, конечно, мечтала о свадьбе и детях, но Петя не мог ей этого дать. Девица вовсе не была развратной, и сны ей снились только про Петрушу – то они в стогу, то на алькове, а



ведь она имела весьма скудные представления об анатомии мужчин и не знала, как это происходит у жены и мужа.

Надежда прогнала помещика Ипполита Дементьевича Черногубова, который усердно к ней сватался. Родители смотрели на муки дочери, и сердце их разрывалась на части, к тому же они уже мечтали о внуках, а дочь их сидела в углу да пела:

Ты свети, свети, свети, светел месяц,
Обогрей ты нас, красно солнышко,
Прикатись ты к нам, государь – батюшка,
С восточной, государь, со сторонюшки,
Из своей, государь, из неволюшки,
Покажи ты нам свой пречистый лик,
Ведь мы ждём тебя всяко времечко.

Так прошла зима и снова пришло тепло. Тем летом в Чухлому с восточной стороны, то есть из Сибири, снова пожаловал старец Громов, на которого охотилась вся жандармерия Российской империи. Этот человек, обладавший фантастической силой убеждения, сумел склонить к осклоплению тысячи человек по всей России. В Чухломе многие будут помнить то событие, как Осклопление пяти.

Осклопление пяти было обставлено особенно торжественно. В тот вечер решалась судьба четырёх мужчин и одной женщины – райской птицы Наденьки Шигориной. На стене большой избы висел крест, портреты Селиванова и пара странных икон. Так же всё помещение было украшено лентами и белыми полотенцами. Надобно сказать, что на иконы никто не молился, лишь изредка какой-нибудь брат, перешедший из беспоповского толка, по привычке осенял себя двоеперстием. Зрителей было человек десять. Все расселись по лавкам, среди них Петя Добрый. Заправляли действием Кузьма Себорин, богородица Прасковья и Пятница Епистимия. Они прокипятили инструмент, накалили в печи



стальные печати, приготовили стерильные повязки. Кормчий Громов с белым платочком на шее всё время возглашал славу Христу-искупителю да истиной вере: «Как противиться греху?! Мусульмане носят чадру, но разве это избавляет их от греховных мыслей?! Нет! Наш путь истинно верный, братья мои, церковь же - муравьиное гнездо с язычниками. Удесные близнята вам не дают праведно жить, посему Господь не обрезание завещал народу своему, а оскотление. Что толку от обрезания? Убелится, и не будут досаждать нам более греховные помыслы. Бесы отступятся, и войдём через исполнение завета в царствие небесное!»

Скопцы на лавках затянули песню:

«От белой зари, от Сион – горы,
От Восток – страны, от Иркутска
Летят голуби, летят белые,
Летят тучами, за крест мучимы.
Все скопцы-бельцы земли греческой,
Именитые, знаменитые,
Знамена несут, кандалы трясут,
В колокола звонят:
С нами бог богам, с нами царь царям,
С нами дух духам.
Он прошёл огонь – полымя, костры огненны,
Он идёт – грядёт в грады царские,
В места райские...»

Приступили. Первым вызвался мещанин Фома Котов. Он сел на специально изготовленное пологое кресло и запрокинул назад голову. Руки его привязали ремнями, подол белой рубахи задрали на голову. Громов стал читать молитвы громко и неистово и возложил на чело Фомы правую руку. Помещение наполнилось какими-то экстатическими энергиями, самого Фому трясло, но не от страха. Прасковья перетянула его мошонку бичевой. А Кузьма



быстро отхватил её бритвой. Фома взвыл сквозь зубы и ненадолго отключился, когда Пятница Епистимия прижгла рану раскалённым железом. Всё. Даже кровь перестала течь. Белый голубь очнулся и пошёл прилечь, все радовались и ликовали. Остальные мужчины спорили, кто следующий – новая чистая жизнь открывалась перед ними. Потом мужики все, кроме Громова и Себорина вышли - пришла очередь Наденьки. «Петя, останься, поддержи меня за руку», - просила влюблённая девица. Художник приблизился. Ох и кричала Надя, несколько раз сознание теряла. Вырезали ей грудные железы и прижгли калёным железом. Итак, пять жителей Чухломы за одну лишь ночь прошли через первое убеление. Это и называется огненным крещением, ибо нет ничего страшнее и нелепее, разве что гари или пощение до смерти.

Той ночью Наденьку оставили на крыльце её дома, постучав в дверь, ибо сама идти она не могла. Узнав о случившемся, отец и мать потеряли сознание, а когда их привели в чувство, стали неистово кричать. Надя же, лёжа на кровати, стонала и просила помощи. Ей было очень больно. Все конечности у неё похолодели. Потом девица престала стонать и впала в протрацию. Широкими зрачками смотрела она в пустоту. Голос Нади сделался еле слышным, черты лица заострились. Хрипло и судорожно дышала голубица. Потом начались судороги, и она умерла. Холодными и сухими губами девушка прошептала перед смертью: «Теперь мы вместе». Ей привиделось, как они с Петей бегут по дороге, а над ними парит райская птица. Они смеются, они счастливы, ведь этот сон больше никогда не закончится.

7

Михаил Иванович застал прислугу за выносом картин Пети Доброго прочь из дома.

- Кто велел?! А ну назад! – осадил дворню помещик.



Прислуга потащила полотна в дом, на ходу разъясняя барину, что приказали сама Лизовета Николаевна.

- Мишенька, все в Чухломе его картины выкидывают. Он у Шигориных дочку сгубил. Померла она после оскотления. В бегах он теперь, и старец ихний в бегах, и Себорин, и Прасковья с Епистимией. А многих уже сарестовали жандармы, и Таню храмую сарестовали.

- Пойдём, радость моя, в дом. Успокойся, бог им судья, а не мы с тобой. Ты ведь долгое время его знала и ничего плохого про него не говорила, как же ты сразу картины выбросить велела? Неужели мы всегда должны всё делать, как другие? У нас что, своего мнения нет? Спой-ка нам лучше песенку «Ванька-ключник».

Лизавета Николаевна немного успокоилась и села за фортепиано марки «Diederichs Frères», доставленное в прошлом году из Петербурга прямо к юбилею их свадьбы. Дворня в соседней комнате положила картины и приготвила слушать концерт.

После того, как Михаилу Ивановичу прислали тетрадь с нотами на стихи Всеволода Крестовского, такие домашние концерты проходили часто. Прислуге были понятны и близки стихи великого поэта, и они часто подпевали за стенкой:

«В саду ягода-малина под закрытием росла,
А княгиня молодая с князем в тереме жила.
А у князя был Ванюша, Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник, разлучил князя с женой...»

После Ваньки-ключника обычно пели «Владимирку»:

«Ой, дорога ль ты, дороженька пробойная!
Ты пробойная ль дороженька, прогонная!
Уж много на Руси у нас дороженек,
Что дорог ли шарокатных, поисхоженных:
По иным гоняют царских слуг — солдатушек,



По иным бредет убогий богомольный люд...»

После «Владимирки» запевали самую грустную - «Полоса»:

«Полоса ль ты моя, полоса!
Не распахана ты, сиротинка,
И тебе не колосья краса,
Не колосья краса, а былинка...

Знать, хозяин-то твой в кабаке
Загулял не одну уж неделю
Иль от горя – в гробовой доске
Отыскал на погосте постелю.

А быть может, и то: в кандалах
По Владимирке пахаря гонят,
За широкий, за вольный размах
Богатырскую силу хоронят...»

Девки плакали, мужики грустили, и все они любили своих хозяев за то, как те понимают их жизнь. А понимали русского человека польский дворянин Всеволод Крестовский, крестьянские поэты Иван Варакин, Фёдор Слепушкин, Михаил Суханов – истинные гении русской поэзии того времени. Поэтому Михаил Иванович Катенин по примеру брата Николая тратил столько сил, чтобы заполучить их книги в свою библиотеку, ведь неизвестно, что будет дальше – останутся они в веках или будут забыты.



Часть III

Вязкий янтарь твоих сосен

В полевых дневниках известного костромского этнографа Максимова Сергея Васильевича имеется запись о посещении староверского скита Немолиха. На момент посещения Немолихи этнографом там проживало всего две женщины. Они радостно выбежали ему навстречу, но, увидев учёного, огорчились. На вопрос кого они ожидали увидеть, женщины ответили, что давно ждут мужей и уходить из леса не собираются: «Вдруг они вернутся, а нас нет».

1

В начале лета, воодушевившись встречами с прогрессивными людьми, Ефим Андреевич Пшеницын вернулся в Козьмодемьянский уезд Казанской губернии. Народник мечтал стать таким же лидером восстания, как до него Иван Болотников, Степан Разин, Максим Осипов, Прокофий Иванов, Сергей Васильев, Емельян Пугачёв и Михаил Иванов - Негей. Чуваши приняли его радушно, но за зиму несчастные люди всё съели, и теперь голодали. Поедая крапиву, сныть, борщевик и листья лебеды, Ефим Андреевич вспоминал вкусное застолье у Катениных. По ночам ему снились балык и пастрома. И конечно же караси из Чухломского озера, приготовленные в сметане. Впрочем, молодая и бездетная вдова красавица Эрнепи, у которой он жил, порой баловала его вкусно приготовленной рыбкой. Они вместе ходили в лес за берёзовым соком и хворостом для очага. В лесу было хорошо, вот только гнус и мошка одолевали. Ефим учил возлюбленную правильно говорить на русском, а Эрнепи



рассказывала про обряды и суеверия своего народа. Он повесил в её избе две картины Пети Доброго и подарил самовар с фабрики Пеца, в котором они приготавливали чай из душицы, липы, смородины, зверобоя, ромашки и приглашали гостей – Чоткара и Улыпа.

Ефим и Эрнепи посещали тайную кузню, где изготавливались ножи, ударные грузы для кистеней, топоры и секиры. Предыдущее восстание было подавлено, но готовилось новое. Ефим Андреевич молился в священных рощах вместе с чувашами, но так и не смог запомнить имена их богов. Он ждал приезда друга-поэта. В те времена в Российской империи не было ни одной школы на чувашском и марийском языках, людей насильно заставляли переходить в христианство, разгоняли моления, лучшие земли отбирались на общественные запашки, обязывали сажать картофель, запрещалось кузнечное дело. Но самое главное, государство уничтожало идентичность местных народов, как некогда сварило в одном большом русском котле идентичность чухломской чуди и костромской мери.

Про Ефима и Эрнепи знали и Катенин, и Петя Добрый, поэтому однажды вечером к влюблённым пожаловали старец Громов, художник Петя Добрый, новоубеленный детина Фома Котов и начитанный скопец Кузьма Себорин. Они были в бегах. Петя был очень грустным, а Громов постоянно говорил, что голубица теперь ангел небесный. Эрнепи явно заинтересовалась художником, но, когда приревновавший Ефим рассказал ей про оскотление, утратила интерес к художнику как к мужчине. Беглецы прожили у них неделю, и, словно что-то почуяв, съехали в тайный лесной скит, где когда-то скрывались раскольники до того, как сбежали в Сибирь – искать Беловодье. Как только гости исчезли, пожаловал исправник, узнать, кого приваживает красавица Эрнепи, на что та ответила: «Мужиков приваживаю, потому что люблю». Исправник удалился.



Наконец приехал Варфоломей Стеблин, и приятели принялись за агитацию. В их комитете «Свобода народам» состояли так же мариец Чоткар и чуваш по матери Улып. Оба они прекрасно говорили на русском и родном языках, умели сносно читать. Оба были очень способны и умны. Чоткар — большой, светлый, добродушного вида молодой человек из государственных крестьян. В их семье было пятеро детей, но родители Чоткара умертвили младших сына и дочку в голодный год, чтобы выжили остальные дети. Улып — темноволосый, невысокого роста мещанин из Козьмодемьянска, романтик и потенциальный революционер, который с горечью сетовал на то, как его народ голодает и тонет в недоимках. Оба молодых мужчины прекрасно знали обычаи и верования своих народов, но сами были если не атеистами, то агностиками наверняка, что весьма устраивало Пшеницына. Однако он часто отправлял их на моления, чтобы те стали своими в деревнях. Чоткар и Улып впервые встретились с самим Стеблиным и пришли от него в полный восторг, даже принялись подражать. На подготовку к агитации ушла неделя.

Тактика борьбы была такова: комитетчики ездят по деревням с агитацией и накаляют недовольство. А дальше нужно ожидать спонтанной вспышки восстания, такой, как несколько лет назад в Осиновской волости Нолинского уезда. Эту вспышку они предполагали разжечь и направить борьбу на учреждение чувашского и марийского штатов со своим управлением и столицами в Чебоксарах и Козьмодемьянске. Затем необходимо было отвоевать Царевококшайск, что в данном случае не составило бы труда, поскольку луговые марийцы тут же подняли бы своё восстание. Оборонятся от императорской армии они планировали многотысячными войсками ополчения, подчинявшимися правительствам марийского и чувашского штатов до тех пор, пока император, государственный совет и кабинет министров не признают их автономию и не закрепят правовой статус



соответствующим документом. Регулярную российскую армию следовало разбивать внезапными нападениями из засады, методами партизанской войны и обороной из укреплений. При наличии удачного опыта должны будут подняться удмурты, мордва, татары и все прочие народы, закабалённые Россией. Таким образом империя будет поделена на штаты, будет провозглашена конституция, право на родной язык и свободу вероисповедания. Народные верования будут обязательно узаконены. Реформисты с надеждой смотрели в будущее.

Когда Ефим Андреевич начинал свою деятельность, народничество как движение ещё не сформировалось. Но он уже тогда называл себя народником и боролся за свои идеалы. Позже его идеи были искажены, ведь такие последователи, как Якушкин, Рыбников, Отто, Слепцов, Южаков, Максимов, Левитов уже не мыслили столь масштабно. Они боролись за освобождение крестьянства, а Пшеницын за освобождение целых народов.

Итак, первая агитация состоялась после тайных чувашских молений, на которые собрались жители нескольких деревень. Были выставлены посты, чтобы подать сигнал в случае появления жандармов. Комитет «Свобода народам» прибыл на двух телегах и, дождавшись окончания молений, реформаторы подняли флаг с изображением ныряющей утки. Этот символ был понятен и чувашам, и марийцам, и мордве, и удмуртам – все они с детства знали легенду о творении мира водоплавающей птицей. Люди обступили реформистов, и Варфоломей Стеблин, стоя на телеге, громогласно стал читать свои стихи:

Над миром моим три солнца
И одинокая утка между туч
Ненавистных, имперских!
Смотри, горизонт затянуло,
Но завтра взойдут три солнца,
Словно в древней легенде:



Свобода, равенство, братство!
То Тура знак посылает детям
На керемети священной,
Возьмите эти три солнца,
Я вас благословляю...

Затем с пламенной речью выступил Ефим Пшеницын – он говорил о том, что царь и попы держат народ в повиновении, что монарх - не божий посланник, что бог его - обычный бедный еврей – сын плотника, а их боги - настоящие. Они создали их народ свободным, но тёмные силы захватили их: «Посмотрите, вы все в белом, а как одеты попы?! Во всё чёрное, потому что служат тёмным силам. Они целуют человеческие останки своих колдунов и заставляют вас это делать. Вы должны вернуть свободу своему народу! Тура вас благословил!»

Затем вскочил Чоткар, которого уже многие знали, и сказал примерно то же на чувашском языке. Выступление было великолепным, слухи стали расползаться по всей округе.

Потом такое же мероприятие было проведено у мари с той лишь разницей, что вместо «То Тура знак посылает детям», Стеблин читал: «То Юмо знак посылает детям». У мари в конце также выступал Чоткар. И отлично выступал, ведь комитетчики долго репетировали, зная, что пламенное слово поджигает сильнее факела.

И вот, наконец, в одной из чувашских деревень «полыхнуло». Комитетчики тут же взялись за дело, распаляя жар восстания криками и призывами. Затем вооружённая толпа направилась к селу, по пути к ним присоединились другие крестьяне. Бунтари ворвались в церковь.

Батюшка с крестом поплыл навстречу мятежникам, чтобы вразумить толпу, и тут же получил вилами в живот. Настоятель сначала не понял, что случилось. Он доковылял до лавки и присел.



Ряса намокала, но ещё казалось, что всё поправимо. В храме уже лилась кровь. Язычники топорами рубили христиан. Кто-то принимал смерть неподвижно, кто-то пытался спастись. Люди корчились в судорогах и умирали прямо под иконами. Страшно изрубленные тела бились в конвульсиях. Священник почувствовал, что теряет сознание. В животе стало нестерпимо больно, голова кружилась, ряса всё больше намокала. И тут он понял, что рай, о котором он мечтал, рядом, что грехи искуплены. «Как просто», - прошептал поп. Вдруг он вспомнил чувашку, которую насильничал по молодости в лесу. Этим грехом батюшка маялся всю жизнь. Теперь всё искуплено. Крики начали умолкать, убранство церкви стало сливаться в одно бело-золотое пятно, и тут с иконы сошла богородица с лицом молодой чувашки и повела его за собой.

В это время в поповской избе прятались матушка и дети, но спрятаться было негде, и ворвавшиеся мятежники тут же стали рубить их топорами. Дети визжали, потом резко перестали. Матушка заползла под лавку, но ей сразу отрубили ногу. Посмотрев на отрубленную ногу, женщина подумала: «Ну теперь уж пусть добивают, куда я без ноги». Топор опустился ей на голову, раздался звон и всё померкло.

К вечеру бунтовщики двинулись в сторону Козьмодемьянска – ненавистного города, оплота имперского гнёта всего среднего Поволжья, три стрелы которого смотрят с герба в сторону татар, марийцев и чувашей. Многотысячная топа была вооружена страшным калечащим оружием, изготовленным в тайных лесных кузнях. По пути было убито около тысячи русских купцов, дворян, мещан, священников и их семей. Сожжено несколько усадеб и церквей. За три дня пути толпа разрослась до нескольких тысяч, комитет «Свобода народам» уже праздновал победу, но на подходе к Козьмодемьянску их встретили императорские войска и открыли огонь из ружей и пушек. Картечь косила крестьян как коса сухую



траву. Рвала на части тела бунтовщиков. Запинаясь о трупы, люди кинулись прочь. Увидев пушки, ещё до начала пальбы Пшеницын и Стеблин отстали и затерялись в толпе, а Чоткар и Улып были разорваны первыми же выстрелами. Очередное восстание в Поволжье было подавлено. Несколько дней разорванные трупы и виселицы украшали дороги Козьмодемьянского уезда. Империя с новым остервенением принялась грабить и унижать малые народы Поволжья, много стонов Волга слышала, много горя видела великая река.

2

В тайном скиту Немолиха было благодатно, словно само Беловодье встретило странников смолистой чешуей сосен и пьянящим запахом мхов. «Воистину это земной рай», - молвил Громов, и все стали обустроиваться. Раскольники оставили некоторую утварь и немного еды для гонимых собратьев. В скиту находилась лишь одна семья – суровый старовер Илия и его дочь Анфиса. Они хмуро покосились в сторону гостей, но Громов тут же расположил их к себе.

Собрали постный стол и, помолившись, сели трапезничать. Петя Добрый тут же справился у раскольников, где у них морильня, и после трапезы Илия показал ему яму, которая находилась на некотором расстоянии от скита, чтобы братья и сёстры не могли слышать стоны умирающих. Громов обеспокоился намерением Пети Доброго уйти ко Господу и попросил подумать. Через три дня художник подошёл к спорящим кормчему и Илие и заявил, что твёрдо решил поститься до смерти. Петя подготовился и, получив благословение старца, удалился в морильню, которая представляла собой глубокую яму правильной формы. Художник спустился, лестницу достали, и Петя остался один. Через трое суток Илия и Громов принесли ему воды. Они спустили ведёрко в яму. Петя



принялся жадно пить, потом умылся. Ещё через три дня они застали Петра трясущимся от холода и скинули ему старое лоскутное одеяло. Художник сильно похудел, лицо его стало серым, начался бред. Он шептал, что они с Наденькой идут по какому-то полю. А когда сектанты опустили ему воду, произнёс: «Ну всё - это в последний раз. Больше водицу не носите, только молитесь за меня».

- Верно, – произнёс Илия, – через эту морильню многие праведники ко господу ушли, без воды оно быстрее.

Сектанты молились три дня, а когда Илия сходил к Пете, объявил:

- Скоро уже. На человека не похож, а больше на ангела, всё шепчет, что с какой-то Наденькой по полю идут и птицы райские над ними.

- Как бы мне платочек постирать, чтобы при белом платке он ушёл в Царствие небесное? – заволновался Громов

- А вон золу берёзовую в тряпку заверни, да прокипяти на костре с бельём.

Так и сделали, и опустили в морильню чистую сорочку и белоснежный платочек на шею, но у Пети не было сил переодеться, поэтому Фома и Кузьма сами спустились в яму, чтобы помочь. Через четыре дня после этого Петя умер. Последним его словом стало имя любимой женщины.

Как-то утром скит проснулся от хриплого стога, пришедшего неизвестно откуда поэта Стеблина: «Пить, дайте пить!» Первой выбежала Анфиса и увидела симпатичного молодого мужчину без бороды, который ей очень понравился. Она бросилась в избу и вынесла ковш колодезной воды. Затем выскочил Громов: «Барин, Вы один?», на что поэт, не отрываясь от питья, махнул в сторону леса. Там находились обессиленные Ефим и Эрнепи. Они закричали от счастья, когда увидели старца. Бедняг накормили и



попарили в бане. Все трое очень огорчились добровольному уходу Пети Доброго, однако наперебой рассказывали о недавних страшных событиях. Не смотря на разгон восстания, они считали первый опыт удачным и намеревались продолжить.

- В штатах, которые мы создадим на обломках империи, все веры будут разрешены и законны в равной мере, и ваша-с (Пшеницын кивал в сторону скопцов) и ваша-с (улыбался он Илии). Потом Варфоломей читал стихи, но не революционные, а красивые:

«Слезы Изиды Нил переполнят-
Чудесная капля упала с неба,
Роса на траве в середине лета,
Воскресни, Осирис,
О, вознесись же!
Идут левантийцы смотрят на небо,
Воздух наполнен Осириса Духом,
В небе снова звезда Изиды
В Ночь Капли»

«Тьфу-тьфу», – плевался Илия, а его дочь краснела и влюблённо смотрела на Стеблина. Она не знала, кто такие Осирис и Изида, и думала, что это про любовь. Во сне ей виделось, как они с Варфушей едут на колеснице, а люди в белом машут пальмовыми ветвями. Влюблённые подъезжают ко дворцу с колоннами и поднимаются на высокое крыльцо. Подданные кидают в них цветы. Потом в глубине замка происходит их нежное соитие.

Ефим и Эрнепи поселились в ветхом доме на окраине скита. Чувашка натаскала мху и проконопатила все стены, потом она перекрыла крышу ельником, потом натаскала глины и камней и поправила очаг, потом нашла старую косу, сама выправила, накосила и засушила сена, потом пропала на два дня и вернулась с двумя большими кузовами, в которых находились кролики и цыплята. Потом она продала самовар и стала приносить мешки с



солью, горохом и овсом. Часть она определили на засев, часть на зиму. Потом чувашка снова пропала на два дня и принесла капканы.

- Сунара сюрепер, – произнесла она.

- Что?

- Будем охотиться.

Потом Эрнепи подошла к Варфоломею и велела ему брать в жёны Анфису. Поэт, как ни странно, согласился. Он устал от всех перипетий и революций и захотел пожить с хорошей бабой. «Всё одно ищут меня, буду писать тут, в лесу, а годков через пять опубликую», - сказал он. Свадьбу справили по-старому беспоповскому канону.

Всем было хорошо. Влюблённые нашли своё Беловодье, даже Пшеницын уgomонился, то ли от страха каторги, то ли от желания взять паузу в бесконечной борьбе за счастье и свободу народов. Скопцы Громов, Котов и Себорин жили отдельно, они постоянно молились и часто впадали в транс. Порой из леса доносились их исступлённые крики и пророчества о конце света. Однажды ночью Ефим Андреевич тайком прокрался к месту радения. Белые голуби не заметили его, так как были в забытьи. Громов стоял на коленях и что-то бормотал, словно в него кто-то вселился. Потом он позвериному задёргал головой, словно приносясь, и после паузы произнёс загробным голосом следующее:

«Меньше века осталось, и случится то же, что было во Франции - народ восстанет, убьют дворян и купцов. А главарём будет мститель Владимир. Столицей станет Москва. И поделят красную империю на территории, и дадут этим территориям имена коренных народов, а часть земель отдадут Европе в качестве откупа. Но после великой войны присоединят новые, и при этих красных правителях страна без названия будет могучей, хоть и голодной. Потом придёт власть купцов, и много территорий покинут могучую красную империю. Самопровозглашенный царь



Владимир захочет их вернуть, прольётся много крови, но ничего не выйдет. Малороссия, Белорусская губерния, как ранее Царство Польское, Лифляндия окончательно станут европейскими державами и разойдутся с Россией. Но самым лакомым куском будет всегда территория якутов. Найдутся люди, которые захотят владеть её богатствами и отделить от России. Там, где сейчас Хабовка и Благовещенск-на-Амуре - все русские земли за Якутией заберёт новый Китай. Спустя какое-то время все территории и народы станут независимы от столицы, а русские люди будут гонимы. Так придёт конец нашей империи».

Народник понял, что существо, вселившееся в старца, говорило это для него. Он всё понял и был поражен: «Всё получится! Всё не зря! Мои идеи воплотятся!»

Перезимовали сносно – не голодали. Однако и голуби, и старовер Илия словно встали на полпути, понимая, что цель не достигнута. Весной, когда безымянная могила Пети Доброго покрылась синими цветами, старовер Илия и скопцы стали собираться в путь. Анфиса плакала, но не смогла отговорить отца идти проповедовать истинную веру. У каждого из них была своя правда. Первым ушёл Илия. После Громов, Котов и Себорин, повязав белые платочки, вместе отправились в путь. В Немолихе осталось две влюблённые пары – бывший народник Пшеницын со своей Эрнепи и гонимый поэт Варфоломей Стеблин с прекрасной Анфисой.

3

Я люблю тебя – понимаешь ли ты значение этих слов? Я жизнь отдам за тебя, без сомнения. Ни толики сомнения не будет. Сущность моя, страсть моя, моё всё. Мы сольёмся как Волга и Кама, и ничто не сможет помешать нашему счастью. Леса



расступятся, мосты взведутся через вселенские реки, и бог благословит нашу любовь, если ты скажешь «да».

Анфиса по привычке вскочила с первыми лучами летнего солнца. Лес пах вчерашним дождём, запевали неугомонные птицы. Помолившись на восток, молодая красавица разожгла очаг, тут же нащипав крапивы, очистила четыре картохи, луковицу и стала готовить варево. Рядом закипала вода для чая из трав. В третьем котле готовилась каша. Опробовав приготовленную еду, Фисочка осталась довольна – любимый будет рад. Она прокралась в избу и нежно шепнула на ухо поэту: «Варфушка, любимый, вставай, солнце моё! Уж и заюшка не спит, уж и лисонька не спит, и ты поднимайся, сокол мой ясный. Я уж и варево сготовила». Стеблин потянулся и учуял запах отменного угощения: «То-то позавтракаю!»

- А что, может, Ефим Андреича с Эрнепи кликнуть?

- Я уж кликнула.

На улице было свежо, Ефим и Эрнепи уже накладывали кашу. «Этак и мне не достанется», - Стеблин кинулся к котелку и сходу снял пробу.

- Скусно ли, любый Варфушка?

- А то, радость моя.

Анфиса не кушала, а только любовалась, как поглощает кашу её сокровище. «Как же мне свезло!» - думала девица.

- А ты что же, Фисочка? – возмутился поэт.

- А я уж наелась, пока пробовала. Ты, как покушаешь, отдыхай, а я отправлюсь живицу с сосен собирать.

- На что тебе смола-то? – спросил Ефим Андреевич, закусывая кусочком солонины.

- А как поранится кто, али захворает? Ты, Ефим Андреич, тоже отдыхай. Мы уж с Эрнепушкой сами живицы наберём и трав на полянке, сушить бум вона в той избе.



В Немолихе было много пустых изб, которые семьи Пшеницыных и Стеблиных приспособили под себя: где припасы, где травы да грибы, где кролики, где куры и петух, где шкурки сушатся, а где колодец - там банька рядом. В закромах лежали овёс, гречиха, ячмень, пшеница и горох. Висела рыба. Приготавливалась солонина – лишь бы мужики сыты были.

- Надобно до речки дойти, бредни проверить, – сказала красавица Эрнепи.

- И то верно. А вечерком покоптим, можно и ушицу сделать. Ну, ужо пора.

И счастливые женщины отправились в путь по священному лесу. Они шли по росе, отчего кожаные чирки на ногах намокли. Поэтому пришлось снять обувь и шерстяные вязаные носки и идти босиком. Птицы настолько привыкли к людям, что, не обращая внимания на путников, кричали на все голоса.

- Какой Варфуша у меня умный и красивый, так бы и любовалась им всегда! Сокровище моё. Бывает, сижу, да люблюсь им. Вот ведь как мне свезло.

- Да, Фисочка, повезло нам с мужиками. Мой-то первый бил меня нещадно. Оттого я выкинула и опосля ужо не смогла понести. Принял смерть окаянный от зелёного змия. А эти-то интеллигентные – и твой, и мой, поэтому и живём в сладость, и работать на них приятно. Мой-то как начнёт умное говорить, я мало что понимаю, но готова ему всю жизнь служить верой и правдой, заботиться о нём, потому как верю: спасёт он народ мой от угнетения и рабства.

- Праведник-от Петруша покойный уж очень по своей Наденьке переживал. Кабы не умерла она да приехали они сюды, так был бы у нас лес счастливых баб. Ох и суровая у них вера! Наша уж строгая, а у них-то кака!

- А я думаю, нет на земле иной веры, а только любовь мужика и бабы. Через неё и ваш Христос, и наш Тура людям спасенье и



надежду дают. Вот посмотри, у тебя твой Христос, у меня свои Боги. Нам разве придёт в голову рассориться? Потому что не властен злой Вубар над теми, кто любит.

- Истина это.

Эрнепи достала из кузовка лепёху и положила на большой пень: «Вот тебе, Арсюри, дар от сердца, благодарим тебя за приют». Анфиса перекрестилась двумя перстами.

- Вот погляди, Фисочка, ты молодуха, я, по словам многих, первая красавица, а разве твой пристаёт ко мне, али мой к тебе? Это потому что они хоть и не благородных кровей, но образованные и порядочные.

- Как же свезло нам, как свезло! Ну, давай работать что ли. Вона река, вона сосны. А то я уж соскучилась по Варфушке.

И красивые женщины вышли на белый песок. В это время поэт и народник лежали в тени деревьев. Рядом стоял отвар из трав, дымок от очага отгонял гнус.

- Знаешь ли ты, Ефим Андреевич, про мои золотые часы, подарок генерала?

- Знаю, сударь, знаю-с.

- А знаешь ли ты, что если продать эти часы, то нам не на один год такой вот райской жизни хватит. Ещё и подарки жёнам купим. А то они всё работают и работают. А часы без дела валяются, а это вагон харчей.

- А не жалко, любезный поэт, с таким хронометром расставаться?

- Мне с Фисочкой жалко будет расстаться, а с часами... что там.

- Ну так сходим в Козьмодемьянск, да всё и порешаем-с.

Вечером жёны вернулись в скит. Они тащили в кузовах рыбу, травы, сосновую смолу, а в руках бересту и липовую кору для лыка. То-то было радости, когда бабы увидели готовую баньку, разогретое едево и чай из трав. И чего скитаться по миру с голубиной книгой в руках, когда можно создать рай на земле?



Главное, встретить любовь. Первыми парится отправились Варфоломей и Анфиса, потому что Ефим Андреевич боялся угореть и никогда первым не ходил в баню по-чёрному.

На другое утро мужчины застали своих жён за окучиванием огорода, под который была отведена соседняя полянка. Они залегли в тень и даже не думали помогать.

- Скажи нам кто-нибудь пару лет назад, что мы станем Робинзонами и будем счастливы в джунглях с аборигенками, – задумчиво произнёс поэт.

- Нас бы засмеял Авдей Разрывовов.

- Я во многом с ним согласен. Действительно, среди женщин нет изобретателей, художников, композиторов. И мы бы жили в каменном веке, если бы мужчины не прикладывали свои таланты.

- Так мы и живём в каменном веке. И, заметьте, неплохо себя чувствуем, да-с.

- Это так. Здесь спокойно, нет борьбы, идей, нас любят и берегут, нами восхищаются. Что ещё нужно?

- Пожалуй ничего, Варфоломей. К тому же я теперь знаю, что моя борьба не была безуспешной, – ответил народник и рассказал Стеблину о ночном пророчестве Громова.

4

Унтер-офицер костромской жандармской команды Егор Фомич Крутиков-Хованский был буквально помешан на тайных обществах и сектах, и поэтому все самые таинственные дела поручались ему, дабы цепной пёс режима днём и ночью шёл по сектантскому следу, кусая за пятки еретиков. Он уже раскрыл несколько громких дел: калик-соблазнитель, душителей красной подушкой во имя Господне, разоблачил и отправил на каторгу несколько лжехристов и предотвратил гари. Участников неудавшегося массового самосожжения тоже отправили на каторгу. Государство решило,



что каторга лучше смерти. Егор Фомич был не женат и всего себя отдавал любимому делу. Про его успехи писали в газете «Губернские ведомости», и он был лично знаком с Чистяковым, Андрониковым и Дозе. И вот – подарок судьбы – скопцы, да ещё и совсем рядом – в Чухломе. Наконец к нему на допрос привели хромую девицу из этой секты. Она вошла и, не поднимая глаз, опустилась на табурет, которым до этого много раз били заключённых.

- Ваше имя, сударыня?
- Татьяна Ивановна Дмитриева.
- Место рождения?
- Уездный город Чухлома.

Унтер-офицер внимательно посмотрел в лицо женщины – красивое, очень красивое лицо, добрые, но грустные глаза. Может ли такой ангел представлять опасность для государства? Впрочем, внешность обманчива. Татьяна тоже подняла глаза на Егора – такое благородное лицо, и глаза такие умные и глубокие. Они встретились взглядами и покраснели.

- Позвольте представиться, Егор Фомич Крутиков-Хованский. Я буду вести расследование по Вашему делу.

При имени Егор девица вздрогнула. Ей вдруг показалось, что жандарм даже внешне похож на Егорушку.

- Какое такое дело? Нет никакого дела.
- Как же нет, сударыня, ежели ваша секта Надежду Дмитриевну Шигорину убила. Значится отвечать придётся. Ответьте мне, где в настоящее время находится преступник Громов? Кто такие эти самые богородица Прасковья и пятница Епистимия? Это они виновны в смерти Надежды Дмитриевны? Куда сбежал Ваш сожитель – художник Пётр Добрый?

- Не сожитель он, а брат во Христе. Ему и сожительствовать-то нечем, – поспешила оправдаться Татьяна.

- Это мне известно.



Крутиков-Хованский, понимая, что разговор не заладился, встал и подошёл к окну. Выдержав паузу, он обернулся с улыбкой и начал с другого боку.

- Татьяна Ивановна, я могу понять желание принадлежать к чему-то тайному, о чём говорят с придыханием, ощущать себя особенной. Это как билет в исключительность, верно? Давайте без протокола пока. Расскажите мне, что Вы нашли во всём этом? Как решились на членовредительство?

- Бесы меня искушали, Егор Фомич, вот и решилась. Нет иного пути. Белые голуби никого не принуждают к убелению.

- Ну хорошо, хорошо. Послушайте, Татьяна Ивановна, Вы ведь в обряде том злополучном не принимали участие, к тому же за Вас просили Михаил Иванович Катенин и Николай Николаевич Николаев. Давайте, Вы расскажете, что знаете, я всё запишу и отпущу Вас. Даже денег дам на дилижанс до вашей Чухломы, – улыбнулся жандарм.

Татьяна доверилась симпатичному жандарму и рассказала всё, что считала нужным. Она прекрасно знала все места, куда могли податься белые голуби, но конечно же не выдала место. Картина вырисовывалась очевидная – фанатики-сектанты подвергают друг-друга истязаниям и впадают в коллективное исступление, но кто в этом виноват? Унтер-офицер слушал её рассказ с замороженным видом, записывая отдельные места в протокол. Егору Фомичу открывался новый таинственный мир, затягивающий его в воронку неизведанной и манящей утопии.

Ночью жандарм несколько раз просыпался: ему снились то сектантский обряд, то неизвестный разбойник со шрамом, а под утро он проснулся от поцелуя хромой красавицы и понял, что мучительно хочет увидеть харизматичную сектантку. Утром унтер-офицер решил вопрос по поводу освобождения Татьяны Дмитриевой и согласовал командировку в уездный город Чухлому. Они шли по губернскому городу, и всё вокруг казалось им



сияющим и волшебным. Татьяна опиралась о руку жандарма, а он всё время что-то рассказывал о себе.

- Татьяна, у нас не Петербург, здесь нет достойных Вас товаров, но не откажите принять подарки. Вот здесь, в рядах, мастерская модного платья и запасы модной материи. Давайте справим Вам новое одеяние, а ещё достойную шаль и макинтош.

- Как это понимать, Егор Фомич? Вы что, хотите за мной ухаживать? Это невозможно – мы из разных сословий.

- Считайте, что это компенсация, сделайте мне приятное...

До Чухломы ехали долго, но им было хорошо вместе. Дверь открыла сама Лизавета Николаевна Катенина и не узнала Татьяну. Михаил Иванович тоже удивился: «Это тебя удачно арестовали!» Помещик и жандарм сразу понравились друг-другу. Катенин предложил Татьяне и Крутикову-Хованскому погостить у них, отведя им прекрасные комнаты. Прислуга засуетилась, накрывая праздничный ужин.

Сразу подали наливки, и Катенин любезно предложил гостю:

- Вот, Егор Фомич, отведайте эти две – по рецепту Ефим Андреича Пшеницына

- Пшеницына? Это не тот ли Пшеницын, что восстание чувашей организовал вместе с этим, поэтом Стеблиным?

Михаил Иванович понял, что сболтнул лишнего, и поспешил выкрутиться, но Лизавета Николаевна всё окончательно испортила:

- У чувашей он и живёт. Говорила я тебе, - обратилась она к мужу, - выкинь ты стихи этого Стеблина!

- Так я и выкинул, – оправдывался Катенин.

- И правильно сделали, Михаил Иванович, стихи Стеблина сейчас под запретом, а сам он, как и Пшеницын, и эта его...

- Эрнепи? – вставила Лизавета Николаевна.

- Точно, – удивился жандарм, – они все в розыске. А Вы неплохо осведомлены, надобно заметить. Может, знаете, где сектанты прячутся?



- Так они к ним скорее всего подались, они снюхались тут, в Чухломе, когда Ефим Андреич приезжал их обряд смотреть.

Понимая, что всё пропало, Михаил Иванович, перевёл тему разговора:

- Ну-с, прошу всех к столу.

А когда все рассаживались, шепнул жене на ухо: «Лизонька, замолчи, ты с ума сошла!»

Кушали ботвинью, балык, карасей в сметане, кулебяку и множество закусок. Пили настойки и чай. Унтер-офицер жандармерии Егор Фомич Крутиков-Хованский узнал, что хотел, и по приезду в Кострому послал все данные о сектантах в Козьмодемьянск. Но он не знал, что богородица Прасковья и пятница Епистимия никуда не сбежали, они прятались в избе покойной колдуньи Матрёны Ивановны в деревне Фомицино. Попрощавшись с хозяевами, жандарм наказал им более не общаться с бунтовщиками и сектантами, и Ефим Андреевич отрёкся от своего друга, а вечером так и сжег книжку Варфоломея Стеблина.

Офицер долго прощался с Татьяной. Они даже поцеловались христианским поцелуем и договорились встретиться. После отъезда красавца-жандарма Татьяна Дмитриева отправилась на могилу убиенного Егорушки, чтобы навсегда проститься с прежними чувствами, так всколыхнуло её новое знакомство.

По возвращении в Кострому унтер-офицера Егора Фомича Крутикова-Хованского встретили разгневанные папенька и маменька. До них донесли, что сынок прогуливается с хромой, но красивой девицей по рядам и тратит на убогую своё жалование. Был жуткий скандал, отец даже пригрозил лишением наследства. Егор Фомич поспешил успокоить родителей, что у него и в мыслях не было заводить отношения, и все сели ужинать.



Поэт и народник задумали не просто обеспечить свой райский быт, но и закупить своим жёнам подарочков, вот только когда объявили, что уходят продать дорогие часы, Эрнепи и Анфиса закатили истерику. Долго пришлось уговаривать несчастных женщин, объяснять, что это на их же благо, клясться, что не бросают, а напротив – купят подарков и будут любить вечно. И вот бабы согласились. Ефим и Варфоломей довольно долго добирались до Козьмодемьянска, так что всё съестное в узелках поели. Там же разыскали скупщика и представили ему хронометр. Таких дорогих часов скупщик отродясь не видывал, а посему решил, что они украдены. Он на секунду оставил двух оборванцев, а сам послал помощника тайком в полицейский участок. Увидев за окном полицейских, интеллигенты кинулись бежать, но замешкались, когда Варфоломей запнулся о самовар. Так были арестованы известный поэт Варфоломей Стеблин и народник Ефим Андреевич Пшеницын. А двумя неделями позже при попытке проповеди запрещённого учения на базарной площади были схвачены скопцы Громов, Котов и Себорин. Судьба старовера Илии долгое время оставалась неизвестной.

После смерти своего брата-Николая Михаил Иванович Катенин открыл в Чухломе уездную библиотеку. На открытие собралась вся местная интеллигенция, приехали гости из Костромы. Закупили много шампанского, и собрание прилично выпило, пели «Ваньку-ключника», «Владимирку», «Полосу». Всего в земскую управу было передано несколько тысяч книг из библиотек Николая и Михаила Катениных. Звучали речи и тосты. В самом разгаре праздника барин глянул в окно и увидел потрёпанного жизнью



человека, который жался к забору и кого-то высматривал. В несчастном Михаил Иванович узнал своего старого друга, от которого давно отрёкся. Он бросился к Ефиму Андреевичу: «Ты ли это, мой старый друг?! Откуда ты?!»

Забыв про торжество Катенин отвёз Пшеницына к себе и велел срочно накрывать стол. Ефим Андреевич ел жадно, но с трудом – зубов у него осталось совсем мало. После он поведал историю от том, как едва избежал виселицы, как в самый последний момент пришло помилование, как качался на петле его товарищ – поэт Стеблин, как он вместе с Громовым, Котовым и Себориным шёл на каторгу в кандалах.

- Этап наш был количеством двести человек, политические и разбойные. Конвоировал нас отряд офицеров количеством сорок человек. Громова, Котова и Себорина я сразу узнал. В нашем этапе был ещё Авдей Разрывов и прочие вольнодумцы. Был там один разбойник из наших краёв - волосы и борода чёрные, как смоль, и шрам через всё лицо. Выяснилось, что это он Егорку Таниного убил тогда. И дружки его с ним шли. Они сговорились бежать, а мы всё прослышали да конвоирам рассказали. Офицеры их при попытке к бегству застрелили. До Боярска нас половина дошла, там конвой сменился, и дальше – в восточную Сибирь. Вот только по пути чудо случилось: Праведник наш Громов благословил этого детину Фому Котова и умника Кузьму Себорина вести проповедь среди каторжан и ушёл.

- Как так ушёл?

- А так, кандалы у него сами собой спали, и он ушёл.

- А конвой?

- Словно не увидел его.

- И что же ты, бежал стало быть?

- Нет, друг мой, отбыл, что следовало, а потом освободили меня.

- Что же ты, остаёшься?



- Нет, Михаил Иванович, я в Немолиху. Там меня моя Эрнепи ждёт.

- Как же так? Почитай годков десять минуло! Впрочем, знаешь, я туда направлял очень интересного человека и денег передал с ним. Некто Максимов Сергей Васильевич – писатель и этнограф.

- Не могу я к ней в таком виде податься, ты мне дай хотя бы старой одежды. Уверен, ждёт она меня.

- Друг мой, я не только одежды тебе справлю, я обеспечу вас всем. Обоз соберу! Лекарств куплю, зубные протезы тебе сделаем, коросту вылечим. К Татьяне Дмитриевой ты должен зайти обязательно, к Акулине – рассказать про казнь злодея, убийца Егоркина. Всё теперь будет лучшим образом!

Ефим слушал своего друга и тихо плакал. Такова ты, Российская империя – подлая, беспощадная, преследующая за мысль, убивающая за сказанное слово. И пока ты существуешь, люди, пытающиеся сохранить самих себя, будут страдать. Только те тебе милы, кто думает, как ты и делает то, что желаешь ты – огромная безумная тюрьма под названием Россия. Ты отвратительна и прекрасна. Отвратительна своей корыстью и прекрасна лесами, в которых можно скрыться навеки и не видеть твоих побед, твоего золота, твоих тюрем.

Уже немолодая, но всё ещё красивая Эрнепи проснулась от приятного предчувствия, словно какая-то радость должна вот-вот произойти. Уж несколько лет она жила одна в заброшенном скиту, после того, как её подруга – староверка Анфиса - умерла, узнав о гибели своего мужа – поэта Варфоломея Стеблина. Фисочка сразу лишилась лица, она не могла говорить, а только выла, потом взяла икону и ушла в морилюню умирать.

Быстренько переделав домашние дела, Эрнепи сходила на могилы художника Пети Доброго и староверки Анфисы. Оба холмика густо поросли синими цветами. Потом затопила баню и



села на крыльцо. Тут в лесу раздался какой-то шорох, сердце Эрнепи ёкнуло: на поляну вышел её муж Ефим Андреевич Пшеницын. Вскрикнув, женщина побежала навстречу, но внезапно ноги её подкосились. Нарядный Ефим поймал её на лету и улыбнулся:

- Ждала меня?

- Я ждала тебя, любимый. Ну почему ты так долго не приходил?



*Владимир Шамов на могиле Кондратия Селиванова. Суздаль. Спасо-Евфимиев
монастырь*



СОДЕРЖАНИЕ

ТЁПЛЫЙ МИР ТВОЕГО СЕРДЦА	3
ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ТВОИХ КРАСОК	21
ВЯЗКИЙ ЯНТАРЬ ТВОИХ СОСЕН	52



Рекомендуются к прочтению книги Владимира Валерьевича Шамова

Места силы Костромской области – 1

Места силы Костромской области – 2

Чёрные призраки Костромы

Аннушка. Легенда о чёрном сердце

Сборник «Антология костромской чертовщины»

Сборник «Случайные люди»

Владимир Шамов

Скопцы. Огненное крещение.

Авторская редакция

Набор текста: Шамов В.

Фотографии: Шамов В.

Верстка: Шамов В.

Макет обложки Ильнар Карим

Подписано в печать 01.08.2025.

Уч. печ. л. 3,63

Тираж 100 экз.

Заказ. № 666

Отпечатано:

Издательство «Шестая колонна»

2025 год